

АКАДЕМИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК при ЦК КПСС

Кафедра иностранных языков

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ
СЛОВАРНОГО СОСТАВА ЯЗЫКА

СБОРНИК ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Т. А. ДЕГТЕРЕВОЙ

11 269181

МОСКВА · 1954

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый сборник посвящен главным образом фразеологии, так как усвоение этой части словарного состава того или иного иностранного языка сопряжено с наибольшими трудностями. Поэтому характер и содержание сборника обусловлены потребностями практической работы в области преподавания и изучения иностранных языков. С одной стороны, преподаватель иностранного языка сталкивается с рядом методических трудностей в отношении отбора лексического материала для более интенсивного изучения и выбора приемов анализа этого материала, а также с трудностями раскрытия смыслового содержания фразеологических оборотов или тех или иных слов, которые по сумме своих значений не находят соответствий в словарном составе родного языка. С другой стороны, для сокращения срока изучения иностранного языка и более эффективного использования его в научной работе, изучающий нуждается в выработке навыка распознавания в тексте фразеологических оборотов, навыка, который в значительной мере гарантирует ему правильное понимание текста; изучающему иностранный язык необходимо также иметь представление о наличии разных возможностей для точной передачи смысла фразеологического оборота при переводе его с иностранного на родной язык.

Кафедра надеется, что предлагаемый сборник окажется полезным как для преподавателей иностранного языка, так и для изучающих иностранные языки.

Кафедра иностранных языков

Доцент И. И. ЧЕРНЫШЕВА

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА И ПРОБЛЕМА ИХ ПЕРЕВОДА

Фразеология в последнее время привлекает всё большее внимание исследователей. Достаточно указать, что лишь за истекшие три года появился целый ряд работ, посвящённых фразеологии русского, немецкого, английского и других языков¹.

Интенсивная разработка проблем фразеологии непосредственно связана с возросшим интересом к изучению словарного состава и основного словарного фонда различных языков после дискуссии по вопросам языкознания и труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания».

Обширный пласт словарного состава, который составляет фразеология, играет значительную роль в языке, способствуя обогащению последнего выразительными, эмоционально окрашенными элементами.

Тем не менее, фразеология как лингвистическая дисциплина не получила ещё всестороннего научного освещения. Целый ряд проблем её нуждается в тщательном анализе и обобщении. К таким вопросам относятся, в частности, проблема перевода фразеологии, проблема исторической обусловленности и устойчивости фразеологии. Ещё недостаточно эффективно используется лексика пословиц и поговорок в плане изучения процесса становления и формирования словар-

¹ В. Фелицына. Лексика русских пословиц. Диссертация, Ленинград, 1951.

3. Н. Анисимова. Фразеологические единицы типа прилагательное + существительное в современном английском языке. Диссертация, Москва, 1952.

3. М. Мурыгина. Несвободные словосочетания с глаголом в немецком языке (К вопросу образования фразеологических словосочетаний). Диссертация, Москва, 1952.

И. А. Щукина. Стилистическая дифференциация устойчивых словосочетаний и их использование в современной немецкой художественной литературе. Диссертация, Москва, 1953.

О. Д. Алешникова. Фразеология в прозе Луи Арагона. Диссертация, Москва, 1953 и другие.

ного состава и основного словарного фонда того или иного литературного языка; нет достаточного количества исследований, посвящённых употреблению фразеологии современных языков.

Данная статья имеет своей целью рассмотреть проблему перевода отдельных фразеологических групп немецкого языка на русский язык. Этот вопрос представляет большой практический и теоретический интерес, так как вплотную подводит переводчика к разрешению вопроса о более совершенной передаче понятий и различных оттенков понятий при помощи лексических единиц и устойчивых словосочетаний различных языков. Разрешение всех проблем, возникающих в этой связи, требует тщательного анализа семантических и структурных особенностей фразеологии, в данном случае фразеологии немецкого языка.

Под фразеологическим составом или фразеологией мы, по уставившейся в последнее время традиции¹, будем понимать всю совокупность устойчивых словосочетаний языка.

При рассмотрении фразеологии, особенно учитывая проблему переводимости фразеологических единиц, необходимо с самого начала обратить внимание на различие функций, выполняемых определёнными видами устойчивых словосочетаний в языке. Одна часть устойчивых словосочетаний выступает в функции лексических единиц, слов нейтральной стилистической окраски. Это особенно наглядно проявляется на структурных группах, которые охватывают устойчивые словосочетания данного типа и их семантику. Таких структурных групп три:

1. Атрибутивные соединения определяемого с определением, например, железная дорога, Дальний Восток, *volkseigener Betrieb* (национализированное предприятие), *die Deutsche Demokratische Republik*, *die Freie Deutsche Jugend*, *der Atlantische Ozean* и другие.

Значительную часть этой группы составляют термины, названия.

2. Предикативные соединения, состоящие из глаголов и дополнений, например, *Forderungen erheben* (выдвигать требования), *Schlüsse ziehen* (делать выводы), *Vorbereitungen treffen* (проводить подготовительную работу) и другие.

3. Предикативные соединения, состоящие из глагола и предложных конструкций, например, *zum Ausdruck bringen* (выразить), *in Betracht ziehen* (принимать во внимание), *in Kenntnis setzen* (ставить в известность) и т. п.

Основную массу неафористических фразеологических единиц составляют, по терминологии В. В. Виноградова, фразеологические сочетания², количество которых в словарном составе языка вообще очень значительно. Объясняется это тем, что в каждом языке слова,

¹ Известно, что в филологической литературе еще тридцатых — сороковых годов термин «фразеология» встречался в самых различных значениях. Так, например, фразеология как совокупность афористических выражений языка (Ефимов); фразеология как языковые штампы, свойственные какому-либо стилю языка (Абакумов); фразеология как совокупность всякого вида устойчивых словосочетаний в языке (Виноградов).

² См. «Академик А. А. Шахматов». Сборник статей и материалов, Изд-во АН СССР, 1947.

помимо свободных значений, могут иметь ещё и фразеологически связанные, и хотя «большая часть слов и значений слов ограничены в своих связях внутренними, семантическими отношениями самой языковой системы» и «эти лексические значения могут проявляться лишь в связи с строго определенным кругом понятий и их словесных обозначений»¹, количество таких устойчивых сочетаний в языке очень велико. С фразеологически связанным значением глагола «брать», например, у В. В. Виноградова приведено около одиннадцати устойчивых фразеологических сочетаний: страх берёт, тоска берёт, досада берёт, злость, зло берёт, ужас берёт, зависть берёт и др. Также и в немецком языке значительное количество слов основного словарного фонда выступает в фразеологически связанных значениях. Например, глагол *bringen* образует аналогично русскому «брать» очень большое количество фразеологических сочетаний: *Jemandem Beistand bringen* (оказать кому-либо поддержку), *Hilfe bringen* (оказать помощь), *es zu etwas bringen* (достичь чего-либо), *in Ordnung, in Aufregung, in Bewegung bringen* (привести в порядок, в волнение, в движение) и т. д.

Фразеологически связанное значение глаголов, являющееся обычно производным и переносным, всегда связано с основным, свободно-номинативным значением. Так, например, немецкий глагол *ergreifen*, синонимичный в своем общем свободно-номинативном значении глаголам *nehmen* (брать), *greifen* (хватать), образует несколько фразеологических серий с различными оттенками основного значения глагола *ergreifen*: *das Wort ergreifen* (брать слово, начинать говорить); *das Schwert, die Waffen ergreifen* (браться за оружие, вооружаться); *Mittel, Maßregeln ergreifen* (принимать меры); *von Wut (von Furcht) ergriffen sein* (быть охваченным яростью, страхом); *die Gemüter ergreifen* (волновать умы); *die Flucht ergreifen* (обращаться в бегство); *jemands Partei ergreifen* (принимать чью-либо сторону).

Фразеологически связанные значения видны у глагола *setzen* в сочетаниях: 1) *in Bewegung, in Betrieb, in Gang setzen* (приводить в действие, в движение) и 2) в сочетаниях *in Musik, in Noten setzen* (переложить на музыку). Как нетрудно убедиться, фразеологически связанные значения возникают на базе основного свободного значения глагола *setzen* (ставить, сажать).

Так как эти значения являются переносными, производными от основного свободно-номинативного значения глагола, применение их ограничено определенным узким семантическим кругом слов. Интересным в этом плане является мысль В. В. Виноградова, который, разбирая основные типы лексических значений слова, говорит: «...Многие слова или отдельные значения многих слов, преимущественно переносного или синонимического характера, ограничены в своих связях. Эти значения могут проявляться лишь в сочетании со строго определенными словами, т. е. в узкой сфере семантических

¹ См. «Академик А. А. Шахматов». Сборник статей и материалов, стр. 360.

отношений. Вокруг многозначного слова группируется несколько фразеологических серий»¹.

Касаясь общего значения фразеологических сочетаний, отметим, что устойчивые словосочетания второй и третьей структурных групп, указанные выше, имеют в немецком языке, как правило, эквиваленты в виде глаголов: *Forderungen erheben* = *fordern* (требовать); *Schlüsse ziehen* = *schlußfolgern* (заключать, делать выводы); *zum Ausdruck bringen* = *ausdrücken* (выражать); *in Betracht ziehen* = *berücksichtigen* (учитывать); *in Kenntnis setzen* = *benachrichtigen* (извещать) и другие.

Следовательно, употребление данного вида фразеологических единиц по сути дела мало чем отличается от употребления слов с нейтральной стилистической окраской, вследствие чего мы можем в этом случае констатировать, что устойчивые словосочетания вышеуказанного типа, неафористические фразеологические единицы, выполняя назывную функцию, обогащают словарный состав немецкого языка количественно.

Вторая группа фразеологии показывает в данном отношении коренное отличие от устойчивых словосочетаний первого типа. Эти фразеологические группы, как правило, являются стилистическими, эмоционально окрашенными синонимами к уже имеющимся лексическим единицам словарного состава языка. В этом легко убедиться при сопоставлении фразеологических единиц со словами. Например: *Hals über Kopf* и *schnell*, *sehr schnell* (быстро, очень быстро); *zwischen zwei Stühlen sitzen* и *schwanken* (колебаться, занимать промежуточную позицию); *den Mund halten* и *schweigen* (молчать); *Steine in den Weg legen* и *hindern*, *verhindern* (препятствовать, мешать).

Такую же картину можно наблюдать при сравнении аналогичных фразеологических единиц русского языка с их лексическими эквивалентами: бежать сломя голову, сидеть меж двух стульев, держать язык за зубами, вставлять палки в колёса и т. п.

Наличие дополнительных оттенков в выражаемом понятии, имеющее место в фразеологических единицах этого типа, делает их особенно важными в словарном составе языка. Они, неся, кроме назывной, также и оценочную функцию, совершенствуют коммуникативную функцию языка и наряду с синонимикой создают богатство словарного состава дополнительными элементами.

Согласно семантической классификации В. В. Виноградова², данной им фразеологическим единицам русского языка и широко привлекаемой в настоящее время в отношении фразеологии других языков, эта вторая группа фразеологии, выполняющая в языке оценочную, эмоционально-стилистическую функцию, охватывает в

¹ Журнал «Вопросы языкознания» № 5, 1953, стр. 17.

² См. «Академик А. А. Шахматов». Сборник статей и материалов, стр. 339—364.

В. В. Виноградов. Русский язык, Учпедгиз, 1947, стр. 21.

В. В. Виноградов. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины (Труды юбилейной научной сессии Ленинградского Государственного университета. Секция филологических наук, Ленинград, 1946).

основном два класса фразеологических единиц: фразеологические сращения и фразеологические единства. Фразеологические единицы, входящие в класс фразеологических сращений, часто называют идиомами. Как подчеркивается в многочисленных исследованиях по фразеологии¹, для идиомы характерны устойчивость, семантическая неразложимость ее отдельных элементов, немотивированность значения, т. е. невыводимость на данном этапе развития языка значения целого из значения составных элементов. Так, например, русское выражение «валять дурака», немецкое *etwas auf dem Kerbholz haben* (быть виноватым в чем-либо, иметь нечистую совесть), *über jemaden den Stab brechen* (осудить кого-либо) и другие.

Фразеологические единства включают, согласно классификации академика В. В. Виноградова, довольно значительную группу фразеологических единиц. Сюда относятся:

1) Устойчивые словосочетания с явно ощутимым переносным значением, например: *sich den Kopf zerbrechen* (ломать голову над чем-либо), *die erste Geige spielen* (играть первую скрипку, задавать тон).

2) Поговорки типа «держи язык за зубами», *kein Blatt vor den Mund nehmen* (говорить без обиняков).

3) Парные сращения типа «шаг за шагом», *alt und jung* (стар и мал).

4) Пословицы.

5) Афоризмы.

6) Сентенции.

Это масса фразеологических единиц, объединенных одним общим признаком — выводимостью значения целого из значения суммы компонентов, составляющих устойчивое словосочетание, неоднородных по своему общему значению и структурным особенностям. Достаточно указать на то, что одни виды этих фразеологических единиц являются эквивалентами или потенциальными эквивалентами слов. Это — поговорки, парные сращения, устойчивые словосочетания с явно ощутимым переносным значением. Другие же, например, пословица и литературные варианты её — афоризм и сентенция, представляют собой законченные высказывания, суждения, замкнутые по форме, и могут вследствие этого быть лишь эквивалентами фразы. Сравни, например, определение пословицы у Ушакова: «Пословица. Краткое образное законченное изречение, обычно

¹ См. «Академик А. А. Шахматов». Сборник статей и материалов, стр. 339—364.
В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 21.

В. В. Виноградов. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины (Труды юбилейной научной сессии Ленинградского Государственного университета. Секция филологических наук).

А. И. Ефимов. Язык сатиры Салтыкова-Шедрина. Изд-во Московского университета, 1953, стр. 363—436.

И. А. Щукина. Стилистическая дифференциация устойчивых словосочетаний и их использование в современной немецкой художественной литературе. Диссертация, Москва, 1953, и другие.

ритмичное по форме, с назидательным смыслом»¹. Вот, к примеру, известные пословицы русского и немецкого языков:

«Без труда не вынешь и рыбку из пруда».

«Родимая сторона — мать, чужая — мачеха».

Ende gut, alles gut (Все хорошо, что хорошо кончается).

Эквивалентом фразы могут в отдельных случаях быть и поговорки — эти ходячие, обычно образные, иносказательные выражения, отличающиеся от пословиц отсутствием назидательного смысла. Так, например: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев-день», Da liegt der Hund begraben (Вот где собака зарыта).

Неоднородны фразеологические единства также и в степени образности, выразительности, в своём оценочном потенциале. Важнейшими из них являются в этом отношении пословицы и поговорки, особенно поговорки, обладающие по сравнению с пословицами очень большой подвижностью.

Помимо экспрессивно-эмоциональной роли, фразеологическим единствам наряду с идиомами принадлежит ведущее место по употребительности. Такие из них, как поговорки и пословицы, не ограничены в своём употреблении сферой народно-разговорной речи, они широко применяются в публицистике, могут выступать как острое полемическое оружие в политической и научной прозе, используются в языке художественной литературы. Известно меткое и острое использование данного вида фразеологии в выступлениях В. И. Ленина и И. В. Сталина². Блестящие примеры использования пословичного богатства русского языка имеются в речи Г. М. Маленкова на Пятой сессии Верховного Совета СССР. Показывая просчет интервентов, затеявших войну против Корейской Народно-Демократической Республики, Г. М. Маленков комментирует: «Вот уж, как говорится, пошли по шерсть, а вернулись стрижеными»³. Или по адресу Уайли, одного из видных представителей агрессивных кругов США, не прекращающего угроз в отношении Советского Союза, товарищ Маленков говорит: «Мы ответим господину Уайли и вся кому, кто проповедует политику силы в отношении Советского Союза, ответим, не вдаваясь в подробности: «Шалишь, кума, не с той ноги плясать пошла»⁴.

В немецком языке употребляется и сейчас немалое количество пословиц, формулирующих и обобщающих жизненный и социально-исторический опыт немецкого народа. Например:

Aller Anfang ist schwer (Всякое начало трудно).

Lügen haben kurze Beine (Ложь имеет короткие ноги).

Der Sperling in der Hand ist besser als die Taube auf dem Dach
(Воробей в руке лучше голубя на крыше).

¹ «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, изд-во иностранных и национальных словарей, 1939, стр. 630.

² См. систематизацию использования пословичного материала в работах В. И. Ленина и И. В. Сталина в книге А. Ефимова «О языке пропагандиста», изд. «Московский рабочий», 1951.

³ Г. М. Маленков. Речь на Пятой сессии Верховного Совета СССР, Госполитиздат, 1953, стр. 25.

⁴ Там же, стр. 36.

Однако несравненно шире используются поговорки, особенно такие, где перенос значения, образность ощущаются наиболее ясно. Сравни, например, такие ходовые поговорки немецкого языка, как:

Auf festen Beinen stehen (стоять на твердых ногах).

Steine in den Weg legen (создавать препятствия, ставить палки в колеса).

In die Enge treiben (загонять в тупик).

Keinen Finger rühren (не шевельнуть пальцем) и другие.

В заключение нашего рассмотрения фразеологических единств отметим, что для немецкого языка характерно несравненно более широкое употребление парных сращений, нежели это имеет место в русском языке. Многие парные сращения немецкого языка, эмоциональность которых постепенно стёрлась, превратились в своего рода штампы, употребляемые в самых различных стилях немецкого национального языка.

Переходим к вопросу перевода фразеологии немецкого языка на русский язык.

К переводу фразеологии в равной мере применимо основное требование, которое предъявляется к переводу вообще — «выразить точно и полно средствами одного языка то, что уже выражено средствами другого языка в неразрывном единстве содержания и формы»¹.

Что касается лексических и фразеологических возможностей переводчика, то здесь, поскольку и немецкий и русский языки принадлежат к индоевропейской семье языков, словарный состав того и другого показывает известные элементы сходства, что в некоторой степени облегчает создание точного перевода. Точный перевод не предполагает дословности, то есть состоит не в дословной передаче переводимого текста, а в точности передачи смысла или содержания средствами языка, на который переводят. Перевод фразеологии, о котором в данном случае будет ити речь, то есть дословный перевод её, как правило, недопустим по весьма понятным причинам. Если переводится, например, фразеологическое сращение, то есть идиома, то образ, лежащий в ее основе, непонятен сейчас даже в языке, с которого переводят. Сравни, например, дословный перевод идиомы *etwas auf dem Kerbholz haben* — иметь что-то на бирке, палочке с зарубинами. В действительности же выражение это означает «быть в долгу», «быть в чем-либо виноватым», так как идиома в данном случае отразила существовавший ранее обычай отмечать задолженность зарубиной на деревянной палочке.

В том случае, если переводимое выражение представляет собой фразеологическое единство, дословный перевод может опять-таки привести к бессмыслице вследствие возможного несовпадения образности. Так, например, немецкий оборот *unter vier Augen sprechen* невозможно перевести как «говорить при четырёх глазах», так как

¹ А. В. Федоров. Введение в теорию перевода, изд-во литературы на иностранных языках, 1953, стр. 7.

и русском языке в данном случае употребляется, хотя и близкий, но всё же отличающийся от него, образ «говорить с глазу па глаз». Немыслим дословный перевод в ряде случаев даже и там, где мы имеем дело не с образными, афористическими устойчивыми слово-сочетаниями, а с фразеологическими сочетаниями, где значения слов-компонентов, как известно, обособляются очень чётко и резко, хотя и остаются несвободными. Так, к примеру, устойчивое словосочетание этого типа *die Flucht ergreifen* нельзя буквально перевести, как «взять бегство», потому что русскому языку чужда такая сочетаемость существительного «бегство» с глаголом «брать», «взять».

Как видно из приведенных примеров, дословный перевод в перечисленных случаях не может служить средством раскрытия содержания фразеологических единиц. Неверным, однако, было бы утверждение, что дословный перевод немыслим во всех случаях, о чём будет речь ниже. При разборе нашего вопроса о точности перевода мы должны исходить из того принципа, что понятие точности перевода не покрывается понятием дословной передачи устойчивого слово-сочетания с полным сохранением его структуры и семантики.

Учитывая это обстоятельство, правильнее будет ставить вопрос об **адекватном** переводе, то есть о подборе равноценных, фразеологических единиц, которые при возможном различии в образности и составе компонентов устойчивого словосочетания передавали бы то же самое понятие с сохранением стилистической и эмоциональной окраски оригинала.

Анализ фразеологии немецкого языка позволяет наметить основные линии перевода важнейших типов фразеологических единиц. Начнём с перевода фразеологических сращений и фразеологических единиц, рассмотрев первоначально перевод идиом, поговорок и пословиц.

Обратимся к наиболее простому случаю перевода этих фразеологических единиц, когда фразеологическим сращениям и единицам немецкого языка соответствуют в переводе выражения, содержание и форма которых показывают довольно точные соответствия в обоих языках. Так, например, *panischer Schrecken* (панический ужас), *der tote Buchstabe* (мертвая буква), *den Wald vor lauter Bäume nicht sehen* (*Wieland*) (за деревьями не видеть леса) и др.

Анализ причин такого точного соответствия формы и содержания фразеологических единиц показывает, что в данном случае мы имеем дело с интернациональным слоем фразеологии, возникшим на базе взаимной связи и взаимного влияния, которое наблюдается между различными народами, а следовательно, и различными языками. Данный слой фразеологии содержит «крылатые слова» из античной и христианской мифологии и из античной и современной литературы, то есть всевозможные изречения, афоризмы, поговорки, обозначение популярных исторических событий и прочее, которые путём дословных переводов («кальк») прочно вошли во фразеологию европейских языков. Это фразеологические единицы типа *ein Dorn im Auge sein* (быть бельмом в глазу); *nach jemand's Pfeife tanzen*

(плясать под чужую дудку) (Эзоп); Perlen vor die Säue werfen (метать бисер перед свиньями), den Rubikon überschreiten (перейти Рубикон); sich wie ein roter Faden durch etwas ziehen (Goethe) (проходить красной нитью через что-либо) и т. п.

Фразеологические аналоги, то есть совпадение содержания и формы фразеологических единиц наблюдается иногда не во всех языках, а только, например, в двух или трех языках. Здесь наличие устойчивых словосочетаний, в основе которых лежит один и тот же образ, можно было бы, как нам представляется, объяснить тем, что в данном конкретном случае имели место совпадения ассоциаций при создании образных выражений.

Вот некоторые из них: große Augen machen (делать большие глаза); jemanden an der Nase herumführen (водить кого-либо за нос); alles durch den Schornstein jagen (пустить всё в трубу); jemanden auf dem Halse haben или jemandem auf dem Halse liegen (быть (висеть) у кого-либо на шее); den Kopf verlieren (терять (потерять) голову); durch die Finger sehen (смотреть сквозь пальцы); die Ohren spitzen (навострить уши); wie Espenlaub zittern (дрожать, как осиновый лист).

Подобный перевод фразеологии, показывающий точное совпадение содержания и формы фразеологического оборота в немецком и русском языках, мы наряду с переводом интернационального слоя фразеологии, «кальками», о которых шла речь выше, назовем **дословным** переводом. В специальной литературе данный вид перевода фразеологии нередко обозначается как **эквивалентный перевод**¹.

Однако слой фразеологии, поддающийся дословному переводу, не так уж многочислен в общем фразеологическом составе любого языка. Это и понятно. Фразеология каждого языка в значительной её части самобытна и носит ярко выраженный национальный характер. Очень часто фразеологические единицы, восходящие к свободным словосочетаниям, отражают специфические черты, быт, отдельные исторические события, обычаи, присущие только одному определённому народу. В ряде случаев имеет место обобщение на совершенно другом или на близком, но всё же отличном образе, нежели это произошло в других языках, ввиду чего одно и то же содержание фразеологической единицы облекается в различную или близкую по образности форму.

Перевод таких фразеологических единиц в данном конкретном случае с немецкого языка на русский состоит в подборе эквивалентов, которые, отличаясь по образности, были бы адекватны по общему смыслу и по стилистической окраске фразеологического выражения.

Такой перевод, назовём его **адекватным**², включает фразеологические единства, очень разнообразные в отношении их образности.

¹ См. Б. Абрамов. О преподавании фразеологии в средней школе. Журнал «Иностранные языки в школе» № 5, 1953, стр. 92.

² В литературе для данного вида перевода известно также название «эквивалентный перевод». См. статью А. Я. Рожанского «Идиомы и их перевод». «Иностранные языки в школе» № 3, 1948.

Здесь, при переводе немецкой фразеологии на русский язык, мы, с одной стороны, видим фразеологические единства с очень близкой, но всё же различающейся образностью и такие, образность которых отходит очень далеко. Сравни, например, такие относительно близкие выражения, как *sich aufs Ohr legen* и русское (заявляться на боковую) или *seine Finger von etwas lassen* (не прикладывать рук к чему-либо) и выражения с очень различной образностью: *Lehres Stroh dreschen* (толочь воду в ступе, переливать из пустого в порожнее, носить воду в решете, дословно: молотить пустую солому). *Sieben Köche verderben den Brei* (у семи няньки дитя без глазу, дословно: семь поваров портят кашу).

Несмотря на то, что фразеологические сращения и фразеологические единства, как правило, находят адекватный перевод с одного языка на другой, есть всё же ряд случаев, когда перевод фразеологии дается при помощи лексических эквивалентов или описательно. Такой перевод имеет место при следующих условиях.

Тот или иной язык не располагает адекватным фразеологическим оборотом. Например, немецкие идиомы *Schwein haben* (везёт), *einen Narren an jemanden fressen* (пристраститься к чему-либо, до безумия увлечься кем-либо, бессмысленно превозносить кого-либо) и др. не имеют соответствующих фразеологических оборотов в русском языке и передаются путем изложения смысла этих оборотов.

В этой связи интересно отметить, что не имеют в большинстве случаев фразеологических эквивалентов в русском языке парные сращения немецкого языка. Например, парное сращение *mit Mann und Maus* (*mit* — с, *Mann* — человек, мужчина, *Maus* — мышь, *und* — союз «и») не может быть переведено иначе, как при помощи лексического эквивалента — целиком, полностью; парное сращение *einzig und allein* передается одним словом — «единственно» или «лишь». Иногда парные сращения переводятся при помощи нескольких слов, одно из которых несет функцию усилительного прилагательного. Например: *Lug und Trug* (*Lug* — ложь, *Trug* — обман) — сплошная ложь.

Отсутствие фразеологических эквивалентов к большому количеству парных сращений немецкого языка при переводе их на русский язык объясняется самобытным характером развития фразеологии как немецкого, так и русского языка.

Лексические эквиваленты к фразеологическим оборотам могут быть, однако, употреблены не только тогда, когда полностью отсутствует адекватное фразеологическое выражение в другом языке. В практике переводов художественной литературы лексические эквиваленты нередко употребляются даже в тех случаях, когда словари указывают наличие соответствующих фразеологических единиц в языке, на который делается перевод. Не обсуждая тривиального случая, когда лексическому эквиваленту делается предпочтение с целью избежать повтора одной и той же фразеологической единицы, рассмотрим такое употребление, когда замена фразеологического варианта лексическим достигает большей выразительности и обусловлена контекстом и стилем. Так, например, идиома немец-

кого языка *den Hof machen* может быть переведена на русский язык в зависимости от контекста и стиля отрывка как (ухаживать, волочиться). Немецкая идиома *jemandem ein Schnippchen schlagen* имеет соответственно данным немецко-русского словаря фразеологический эквивалент (сыграть с кем-нибудь шутку). Однако в русском переводе романа Анны Зегерс «Мёртвые остаются молодыми» мы видим очень удачные примеры того, как переводчик отступает от фразеологического стандарта, рекомендованного словарём, творчески решая проблему перевода идиом лексическими средствами. В одном случае выражение *jemandem ein Schnippchen schlagen* переведено дословно и получило благодаря контексту совершенно новое содержание — (щелкнуть по носу). В другом случае, там, где передаются мысли одного из персонажей романа, эсэсовца Ливена, и в тексте говорится, что ему ранее не раз удавалось ускользать от преследований противника, то есть удавалось не раз «сыграть с ним шутку», переводчик, сообразуясь с текстом, предпочёл перевести этот оборот следующим образом: «Сколько раз красивые гнались за ним по пятам. Сколько раз он проскальзывал у них между пальцами»¹.

В заключение рассмотрения перевода фразеологических сращений и единств отметим ещё одну существенную деталь. Как мы уже упоминали выше, некоторая часть фразеологии носит ярко выраженный национальный характер в связи с тем, что в ней упоминаются имена, вещи или события, присущие определённому народу. Такое упоминание имеется, например, в немецких пословицах: *Was Hänschen nicht lernt, lernt Hans niemehr* и т. д. В русском языке имеется также много руссицизмов, как: «Москва не один день строилась», «кричать во всю Ивановскую», «не лыком шит» и др. При передаче таких оборотов на другой язык подыскание эквивалентов, естественно, очень затруднительно и, как правило, невозможно. В таких случаях переводчик стремится найти эквивалентную передачу через подыскание слов и фразеологических единиц близкой стилистической окраски, часто окраски народно-разговорной речи. Так, например, неверным было бы при переводе произведения немецкой художественной литературы употребить выражение «Москва не один день строилась» — оборот, в котором явно ощущается его русское происхождение. В таком случае в распоряжении переводчика может быть ряд синонимичных выражений обиходно-разговорной речи, например, «не все сразу делается» и другие.

Переходим к рассмотрению перевода неафористических фразеологических единиц немецкого языка.

Обратимся первоначально к переводу неафористических фразеологических единиц первого структурного типа, т. е. атрибутивных сочетаний определяемого с определением.

Эта группа устойчивых сочетаний допускает два вида перевода с немецкого языка на русский. Один из них состоит в дословной или близкой к дословной передаче элементов словосочетания и характе-

¹ Анна Зегерс. Мёртвые остаются молодыми, изд-во иностранной литературы, 1950, стр. 522. (Подчеркнуто мной.— И. Ч.).

реи для названий и терминов. Например: das Norddeutsche Tiefland — Северо-Германская низменность, der Thüringer Wald — Тюрингский лес, die Sozialistische Einheitspartei Deutschlands (SED) — Социалистическая единая партия Германии (СЕП), der Freie Deutsche Gewerkschaftsbund (FDGB) — Объединение свободных немецких профсоюзов (ОСНП), der Demokratische Frauenbund Deutschlands (DTD) — Демократический женский союз Германии (ДЖС) и др. Известные отклонения от дословного перевода в данном случае обусловлены лишь совершенно закономерным соответствием сложных существительных немецкого языка атрибутивным группам слов в русском языке, например, здесь *Gewerkschaftsbund* (объединение профсоюзов), *Frauenbund* (женский союз), *Einheitspartei* (единая партия).

Другая часть атрибутивных соединений соответствует в русском языке одному слову нейтральной стилистической окраски, поскольку эти устойчивые словосочетания имеют вещественно-номинативное значение и служат наименованием предметов окружающей действительности. Например: *wilde Rose* (шиповник), *sauere Milch* (простокваша) и др.

Перевод глагольных фразеологических сочетаний немецкого языка, как частично показано при рассмотрении природы этого вида фразеологии, может быть двоякого рода. Очень большое количество глагольных фразеологических сочетаний соответствует в русском языке словам нейтральной, стилистической окраски. Например, в фразеологических сочетаниях с глаголом *geben*: *den Ausschlag geben* (решать, быть решающим); *jemandem Gehör geben* (выслушивать кого-либо); *jemandem das Geleit geben* (проводить кого-либо); *sich Mühe geben* (стараться); *jemandem Mut geben* (ободрять кого-либо); и т. д.

Однако, наряду с таким переводом фразеологические сочетания передаются на русский язык также и путем соответствующего фразеологического сочетания.

При таком переводе фразеологических сочетаний с немецкого языка на русский возникают значительные трудности, связанные с тем, что как в немецком, так и в русском языках сочетаемость слов различна и сама природа сочетаемости слов известна нам лишь в общих чертах.

Однако в отношении перевода этих фразеологических сочетаний можно сделать во всех случаях следующий практический вывод.

В связи с тем, что расхождения в сочетаемости слов немецкого и русского языков очень значительны, нужно с самого же начала отказаться от дословного перевода или от формально-дословной точности. Текст перевода должен иметь ту сочетаемость, которая зафиксирована нормой русского литературного языка. Так, например, устойчивое сочетание немецкого языка *in Bewegung setzen* не может быть переведено соответственно буквальному значению составляющих его компонентов, так как результат такого перевода (посадить в движение) ни в коей мере не передает значения словосочетания. Глагол *setzen* в данном обороте, имея связанное фра-

зоологическое значение, переводится как «привести в движение». Другую серию связанного фразеологического значения тот же глагол *setzen* будет иметь в фразеологических сочетаниях *in Musik setzen*, *in Noten setzen*, где он соответственно должен быть передан на русский язык как «переложить на музыку». Механическое соединение глагола с дополнением или же глагола с предложной конструкцией в фразеологических сочетаниях подобного типа может быть лишь предварительной ступенью, подготовительным этапом адекватного перевода. Основная же задача переводчика состоит в установлении связанного фразеологического значения переведимого оборота и подыскании его эквивалента в русском языке.

На невозможность буквального перевода сочетаемости атрибутивных конструкций указывают примеры в книге А. В. Федорова. В частности Федоров приводит пример из немецкого языка *schwere Gefahr*, показывающий, что это выражение не может быть переведено на русский язык как «тяжелая опасность», так как в русском языке смысл этого сочетания передается словами «серьезная опасность».

Количество таких примеров можно было бы увеличить. Так, в русском языке при переводе немецких выражений *ein schwerer Fehler*, *ein schweres Gewitter* нельзя сказать «тяжелая ошибка», «тяжелая гроза», а говорят «грубая ошибка», «сильная гроза» и т. д. Нельзя перевести очень распространенное в немецком языке восклицание *Sehr richtig!* как «очень правильно», так как в русском языке приняты сочетания «совершенно правильно», «совершенно верно».

Немыслим дословный перевод таких фразеологических сочетаний как *blutiger Ernst*, *blutiger Anfänger*, где буквальное значение прилагательного *blutig* ни в какой мере не может сочетаться со значением существительных, с которыми он употреблен (сравни буквальное значение «кровавая серьезность», «кровавый дильтант»). Эти словосочетания, возникшие в немецком языке в силу особых изменений семантики слова *Ernst*, с которым слово *blutig* часто выступало в качестве определения, должны быть переданы на русский язык лишь в рамках их общего значения и в форме, которая соответствует нормам сочетания русского языка — «крайняя, необыкновенная серьезность», «самый, что ни на есть новичок», «только что начинающий».

Из рассмотрения конкретного материала можно сделать вывод, что перевод неафористических фразеологических единиц данного типа возможен так же, как и перевод глагольных сочетаний, лишь при условии выделения и осмысления фразеологически связанного значения устойчивого словосочетания и подыскания его эквивалента в русском языке.

Л. О. СОКОЛОВА,
кандидат педагогических наук
С. П. СУВОРОВ

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ГРАНИЦ ФРАЗЕОЛОГИИ

Вопрос о границах фразеологии, помимо теоретического интереса, имеет немалое практическое значение как для составителей фразеологических словарей и справочников, так и для авторов всевозможных учебных пособий. Только при наличии точного определения фразеологии и отдельных типов фразеологических сочетаний можно избежать таких досадных случаев, когда в списки фразеологических оборотов включается то, что вовсе не относится к фразеологии или к тем типам фразеологических единиц, которые указываются авторами данного пособия. (Как пишет А. Кунин, это имело место, например, в учебнике испанского языка Г. Аррома, А. Видаля и О. Филипповой, где дается список идиоматических выражений, не содержащий ни одной идиомы) ¹.

Ознакомление с литературой показывает, что пока еще нет общепризнанного определения фразеологии. Так, профессор А. Реформатский пишет: «Слова и словосочетания, специфичные для речи разных групп населения, называются фразеологией» ².

Профессор Б. А. Ильиш определяет фразеологию как учение о нормах словосочетаний, употребительных в данном языке. Об идиоматике Б. А. Ильиш говорит, что «каждый язык обладает специфическими выражениями, совокупность которых принято называть идиоматикой данного языка; каждое такое выражение в отдельности называется идиомом. Точного определения идиома пока не существует, и создание его связано с большими трудностями. Границы употребления этого термина оказываются поэтому в значительной мере зыбкими, и во многих случаях вопрос о том, считать ли данное выражение идиомом или нет, оказывается спорным» ³.

¹ «Иностранные языки в школе» № 3, 1953.

² А. А. Реформатский. Введение в языкознание, Учпедгиз, 1947, стр. 46.

³ Б. А. Ильиш. Современный английский язык. Изд-во литературы на иностранных языках, 1948, стр. 317.

Таким образом, Б. А. Ильиш под фразеологией понимает учение о нормах словосочетаний вообще, а под идиоматикой — совокупность специфических выражений, то есть определенный языковый материал.

Интересный и наиболее ценный материал по этому вопросу содержится в работе академика В. В. Виноградова «Об основных типах фразеологических единиц в русском языке».

В. В. Виноградов различает три основных типа фразеологических единиц: фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания. Эти три основные типа можно охарактеризовать примерно так:

Фразеологические сращения — это такие словосочетания, значение которых в целом не может быть выведено из значений входящих в них слов, например, «точить лясы».

Фразеологические единства отличаются от фразеологических сращений потенциальной выводимостью целостного значения из значений входящих в них слов, например, «делать из мухи слона».

Оба эти типа сближаются тем, что они синтаксически неделимы и выражают единые, целостные значения. Как в фразеологическом сращении, так и в фразеологическом единстве подстановка синонима или замена слов, являющихся семантической основой фразы, невозможна без полного разрушения образного или экспрессивного смысла словосочетания.

Фразеологические сочетания это такие словосочетания, в которых лексические значения слов могут проявляться лишь в связи со строго определенным кругом понятий и их словесных обозначений, например, «берёт страх, сомнение, тоску» и т. д. (но не «радость», радость «охватывает»). В. В. Виноградов отмечает, что фразеологические единицы этого типа являются наиболее многочисленными.

Следует заметить, что по мнению В. В. Виноградова «отдельно должны быть рассмотрены целостные словесные группы, являющиеся терминами, т. е. выступающие в функции названия»¹. Примером таких составных терминов являются «белый гриб», «дом отдыха» и т. п.

Таким образом, В. В. Виноградов не дает общего определения «фразеологической единицы» или «фразеологизма», очевидно находя, что отдельные типы настолько различны, что требуют самостоятельного рассмотрения, и с этим нельзя не согласиться.

Одно из самых последних определений фразеологической единицы мы находим в книге члена-корреспондента Академии наук СССР Л. А. Булаховского «Введение в языкознание», часть II. В этой книге Л. А. Булаховский различает идиомы и фразеологические единицы. Первые он определяет так:

«Идиоматические словосочетания (идиомы) — это своеобразные выражения определенных языков, являющиеся по своему употреблению цельными и едиными по смыслу, обыкновенно не поддаю-

¹ «Академик А. А. Шахматов». Сборник статей и материалов, Изд-во АН СССР, 1947, стр. 358.

ищется точной передаче на другие языки и требующие при переводе замен сходной стилистической окраски».

Едва ли можно считать это определение удачным. Прежде всего автор определяет идиомы как своеобразные выражения определенных языков. Однако своеобразие далеко не является исключительным свойством идиом, так как в каждом языке почти все можно считать своеобразным. Некоторое недоумение вызывают и слова «определенных языков», так как можно понять, что идиомы свойственны не всем, а только определенным языкам. Но даже, если мы поймем эту часть определения так, как этого очевидно желает автор, то есть как особые выражения,ственные каждому языку в отдельности, то окажется, что это по существу то же самое, что автор в конце своей формулировки определяет как третий признак идиом, когда он говорит, что это выражения, «обыкновенно не поддающиеся точной передаче на другие языки». Однако формулировка и в этой части вызывает недоумение.

Что здесь имеется в виду: невозможность точного перевода идиом или невозможность их дословного перевода? Нам кажется, что дословный перевод никак не может отождествляться с точным. Совершенно непонятно, почему украинское «мати пристрасть до чего» не является точным переводом русского выражения «питать пристрастие к чему-нибудь».

В этом определении дается еще один признак идиом: выражения, «являющиеся по своему употреблению цельными и едиными по смыслу».

Этот признак казался бы достаточно ясным, если бы дальше не давалось примеров. Определяя идиомы как выражения, являющиеся по своему употреблению цельными, автор, очевидно, имеет в виду полную устойчивость этих словосочетаний, то есть невозможность замены в них одного слова другим без разрушения смысла или стилистической окраски целого, однако в уже приведенном нами выражении «питать пристрастие», которое приводится в книге как один из примеров идиомы, нам представляется вполне возможным заменить слово «питать» словом «иметь», так же, как и в другом примере Л. А. Булаховского «питать уважение».

Следует отметить, что явно неудачная формулировка определения идиоматических словосочетаний в книге Л. А. Булаховского усугубляется еще и некоторыми примерами. Едва ли можно ставить в один ряд «гнать во все лопатки» и «питать пристрастие». «Во все лопатки» совершенно неразложимо и немотивировано, тогда как «питать пристрастие» допускает вставку слов, например можно сказать «питать большое (или некоторое) пристрастие к чему-либо и, как мы уже говорили, вполне допускает замену глагола «питать» глаголом «иметь».

Даже далеко не полный «Словарь русского языка» И. С. Ожегова указывает в качестве переносного значения глагола «питать» — «испытывать», «ощущать» (доверие, ненависть, надежду).

В примерах идиом, даваемых в книге Л. А. Булаховского, имеются и фактические неточности. Автор, в частности, утверждает,

что русское выражение «неприятель потерпел поражение» на английском языке надо просто передать *the enemy was defeated*, то есть «неприятель был разбит». Непонятно, почему «надо» именно так перевести это выражение, когда можно точнее передать его словами *the enemy suffered a defeat*.

Основным и по существу единственным ясным признаком идиоматических словосочетаний Л. А. Булаховский, очевидно, считает невозможность их «точного» перевода на другие языки. Об этом говорит тот факт, что все объяснение приведенного выше определения сводится к рассмотрению примеров перевода с русского языка.

Уже было отмечено, что Л. А. Булаховский отличает идиомы от фразеологических единиц. Последние он определяет как «обычно разложимые в смысловом отношении словосочетания, но закрепившиеся в языке как материал ходовой цитации (пословицы, поговорки, удачные выражения писателей, ставшие «крылатыми» слова и т. п.) и потому получившие известную цельность».

В последующем изложении автор указывает, что «надо по отношению к пословичному и особенно поговорочному материалу иметь в виду, что при переводе на иностранные языки и этот материал часто требует не передачи в точном соответствии содержанию цитируемого выражения, а подыскания бытующего в языке, на который переводят, близкого по смыслу выражения».

Таким образом, получается, что тот признак, который автор выдвигает на первый план как особенность идиом (невозможность «точной» передачи на другие языки), оказывается у них общим со значительной частью фразеологизмов.

Совершенно неправильно связывать определения фразеологических единиц данного языка с возможностью или невозможностью дословного перевода того или иного словосочетания на другой язык.

Как же обстоит дело с характером связи между словами в идиомах и фразеологизмах, согласно Л. А. Булаховскому? Сопоставляя приведенные выше определения, можно заключить, что идиомы по своему употреблению целостны и едины по смыслу, а фразеологизмы обычно разложимы в смысловом отношении, но закрепились и получили известную цельность. Правда, не без труда, но можно уловить разницу между идиомами и фразеологизмами в отношении характера связи слов, однако приводимые примеры того и другого совершенно запутывают читателя. «Привлечь к ответственности» дается как один из примеров идиомы, а «убить одним ударом двух зайцев» — пример фразеологизма.

«Привлечь к ответственности» легко разлагается в смысловом отношении на глагол «привлечь», выступающий в одном из своих обычных для современного языка значений (ср. «привлечь к суду»), и существительное «ответственность», тоже выступающее в своем самом обычном значении. Во всяком случае, «привлечь к ответственности» не менее разложимо по смыслу, чем «убить одним ударом двух зайцев». Что касается целостности по употреблению, то «убить одним ударом двух зайцев» гораздо более целостно, чем

«привлечь к ответственности» хотя бы потому, что можно «привлечь к суровой ответственности», но нельзя «убить одним ударом двух быстрых зайцев».

Из этого следует, что Л. А. Булаховский отличает фразеологизмы от идиом не по их языковым признакам (характер связи между словами), а скорее по их источнику: фразеологизмы — это «материал ходовой цитации», а идиомы — это «своеобразные выражения определенных языков», не являющиеся материалом ходовой цитации. Нельзя не заметить, что такое различие едва ли дает автору право выносить идиомы за пределы фразеологических сочетаний или, иными словами, слишком узко трактовать «фразеологические единицы».

Мы подробно разобрали трактовку интересующего нас вопроса в книге Л. А. Булаховского потому, что его книга «Введение в языкознание», часть II является последним из вышедших в свет учебных пособий по этому курсу для государственных университетов и педагогических институтов, и если в этой книге мы не находим достаточно ясного и точного определения фразеологии, то мыправе считать, что этот вопрос еще окончательно не решен и требует дальнейшего обсуждения и изучения.

Какие же выводы можно сделать из всех рассмотренных выше взглядов на фразеологию и фразеологические сочетания?

Под фразеологией следует понимать только учение о словосочетаниях, подобно тому, как это делает Б. А. Ильиш, а не сами словосочетания или совокупность устойчивых словосочетаний, как это понятие определяется в толковом словаре Ожегова.

Такое понимание фразеологии вполне соответствует этимологии этого слова. Материалом, подлежащим рассмотрению в этом разделе языкознания, являются устойчивые словосочетания, то есть фразеологические единицы или фразеологизмы.

Как теоретически, так и практически наиболее правильным является подход к фразеологизмам у академика В. В. Виноградова и его вышеупомянутой работе. Можно лишь пожалеть, что Л. А. Булаховский не учел данный академиком В. В. Виноградовым анализ основных типов фразеологических единиц.

Применительно к преподаванию иностранных языков нам представляется весьма целесообразным предлагаемое академиком В. В. Виноградовым выделение различных типов фразеологических единиц. Дело не в терминологии; фразеологические сращения можно называть идиомами, можно включить в это понятие и фразеологические единства, но совершенно очевидно, что фразеологические сочетания надо рассматривать особо. Может быть, целесообразно кроме того выделить целостные словосочетания, являющиеся терминами типа «производительные силы».

В самом деле, если говорить о назревшей проблеме создания фразеологических словарей в помощь изучающим иностранные языки или читающим иностранную литературу, то в такие словари прежде всего должны быть включены фразеологические сращения, поскольку их значение никак не может быть выведено из значений

отдельно взятых слов, и единственным надежным средством понимания и перевода фразеологических сращений может служить только соответствующий словарь.

Было уже отмечено, что к фразеологическим сращениям близко примыкают фразеологические единства, но между этими двумя типами фразеологических единиц есть значительная разница и с практической точки зрения. Смысл фразеологического единства может быть выведен из значений входящих в него слов, поэтому фразеологический словарь в этом случае не является единственным путем к пониманию. Фразеологические единства большей частью представляют собой образные выражения, и в методическом отношении этого рода фразеологические единицы ставят проблему обучения прежде всего узнаванию и пониманию переносного, образного значения слов и словосочетаний. К сожалению, эта проблема не только не разработана, но даже и не поставлена ни в школьной, ни в вузовской методике обучения иностранным языкам.

Едва ли можно полагаться на то, что учащиеся владеют образными средствами родного языка и поэтому не будут иметь затруднений в понимании и использовании образных выражений иностранного языка. В отношении образных выражений и их использования каждый язык имеет свою специфику. Необходимо, однако, подчеркнуть, что при определенном навыке в большинстве случаев смысл образных выражений мы можем понять, не прибегая к специальному фразеологическому словарю. Методика, видимо, должна поставить задачу выявления наиболее эффективных примеров обучения пониманию образных выражений в иностранном языке.

Особенно ценным является то, что в классификации фразеологических единиц академик В. В. Виноградов проводит ясную границу между фразеологическими сращениями и единствами, с одной стороны, и фразеологическими сочетаниями,— с другой. Во фразеологических сочетаниях реализуются так называемые связанные значения слов, то есть те значения, которые присущи словам в сочетании не со всеми близкими по значению словами, а лишь со строго ограниченным числом таких слов. Связанные значения слов даются в обычных словарях, поэтому включение их в специальные фразеологические словари не представляется практически столь же необходимым, как в случае фразеологических сращений. Например, для понимания фразеологического сочетания *to hold a meeting* нет необходимости прибегать к специальному фразеологическому словарю, так как самый обычный англо-русский словарь дает нужное значение «проводить» (например, собрание) среди других значений этого английского слова. Академик В. В. Виноградов справедливо указывает, что существуют слова, вообще не имеющие свободных значений. Примером такого слова в английском языке может служить глагол *to wage* (вести), который употребляется только с весьма ограниченным числом существительных: *war* (война); *struggle* (борьба) и некоторыми другими. Хотя теоретически сочетания типа *to hold a meeting* (проводить собрание) или *to wage war* (вести войну) и являются в английском языке фразеологическими едини-

цами, практически нет никакого смысла загромождать ими фразеологический словарь, предназначенный для того, чтобы облегчить изучающим иностранный язык чтение литературы на этом языке.

Академик В. В. Виноградов замечает, что «большая часть слов и значений слов ограничены в своих связях внутренними, семантическими отношениями самой языковой системы»¹. Этот факт должен быть учтен методикой обучения иностранным языкам при разработке приемов обучения словарному составу вообще. Нам кажется, таким образом, что в разрезе преподавания иностранных языков понятие фразеологической единицы следует ограничить фразеологическими сращениями и единствами, которые в практическом преподавании могут быть обозначены одним термином «идиомы».

Помимо трудностей, связанных с общим определением фразеологических единиц, в каждом языке встают еще свои особые проблемы, вытекающие из специфики конкретных языков.

В частности, в английском языке возникают такие вопросы, как определение границы между свободными и устойчивыми словосочетаниями (фразеологическими единицами) и, как часть этого вопроса, разграничение между самостоятельным, лексическим значением некоторых слов и их значением как грамматических средств (включая сюда и средства словаобразования).

Вопрос о границе между грамматикой и фразеологией тесно связан с вопросом о соотношении между грамматикой и словарным составом вообще. Этот вопрос особенно трудно решать для таких языков, как английский, в котором, благодаря аналитичности его строя, целый ряд слов, используемых в качестве грамматических средств, сохраняет в то же время и свое самостоятельное значение.

Значение и употребление таких слов, которые выступают в роли грамматических средств, относится к грамматике, а не к наукам, изучающим словарный состав языка. Однако наряду с такими общепризнанными служебными словами, как глаголы to be, to have, shall, will и так далее, имеется немало «сомнительных случаев», находящихся как бы на границе между грамматикой и лексикологией, или, точнее, фразеологией.

В этой статье мы не можем ставить перед собой задачу подробно рассмотреть эту пограничную область между грамматикой и фразеологией. Мы хотим лишь привлечь внимание к этому вопросу и показать на нескольких примерах, какой интерес представляет изучение слов и словосочетаний, находящихся еще, видимо, в процессе превращения их в грамматические средства.

Возьмем такой пример: He used to come here every day (он, бывало, приходил сюда каждый день или: имел обыкновение приходить). Слово used в данном примере безусловно является грамматическим средством, указывающим на частую повторяемость в прошлом действия, выраженного глаголом, стоящим в инфинитиве. Между used и to come нет устойчивой связи, так как вместо to come может

¹ «Академик А. А. Шахматов». Сборник статей и материалов, стр. 360.

быть поставлен любой другой глагол. Слово used перед инфинитивом имеет тенденцию к грамматикализации, а правило аналитического образования своеобразного прошедшего времени с used [just] является грамматическим правилом, поскольку это правило имеет в виду не конкретные глаголы, а вообще все глаголы.

Неправильно устанавливать непосредственную связь между used и to и относить это сочетание к фразеологии, как это часто делается в учебниках английского языка, так как to не является самостоятельным словом, а лишь оформляет инфинитив глагола, не имеющий в современном английском языке специального аффикса. Следовательно, всю группу слов used to come следует считать свободным словосочетанием, оформленным в соответствии с правилами английской грамматики. Из этого можно сделать вывод, что used + + инфинитив следует объяснять в грамматической части учебников, а не относить к лексическим комментариям.

Разберем другой пример: he is about to go (он вот-вот уйдет или: он сейчас уходит).

Имеем ли мы здесь дело с устойчивым словосочетанием? Очевидно, что связь между about и to go свободная, то есть грамматическая, так как на месте to go может стоять инфинитив любого другого глагола. Связь между is и about — устойчивая. По своему характеру словосочетание to be about (собираться) ничем не отличается от to be out (поставить своей задачей), например, they are out to increase the productivity (они поставили своей задачей увеличить производительность) или to be in (быть дома), to be off (уходить) и т. п. Следовательно, to be about относится если и не к фразеологии, то во всяком случае к словарному составу. Видовой оттенок значения to be about, думается, еще не дает нам права рассматривать это словосочетание как грамматическое средство английского языка, так как в противном случае нам пришлось бы отнести к грамматическим средствам и такие глаголы, как to begin и to finish и т. п.

Рассмотрим еще один пример с глаголом: he is going to speak (он собирается говорить). Здесь связь между is going и to speak грамматическая, то есть свободная, поскольку на месте to speak может стоять любой другой глагол. Связь между is и going вне соотношения с последующим инфинитивом тоже чисто грамматическая: is going является продолженной формой настоящего времени глагола to go. Однако при рассмотрении словосочетания в целом мы не можем ограничиться выяснением характера только этих двух связей. В самом деле, связь между is going и глаголом to speak в нашем примере никак не может быть сведена к связи между глаголом to go вообще и глаголом to speak: he goes (или went) to speak (он идет (пошел), чтобы поговорить) и he is (was) going to speak (он собирается (собирался) поговорить или выступить) — совершенно разные вещи. Таким образом, в нашем основном примере мы имеем сочетание лишь определенных (всего двух) грамматических форм глагола to go и инфинитива любого глагола. Здесь мы имеем случай зависимости значения глагола от его грамматической формы (включая сюда в синтаксическую конструкцию).

Случай этот далеко не единичный. Такого же рода зависимость значения от грамматической формы мы имеем, например, у глагола *appear*. Сравните: *he appeared on the stage* (он появился на сцене) и *he appeared to know me* (оказалось, что он меня знает).

Если *to be about* (например, *he is about to speak*) можно считать самостоятельной единицей словарного состава, то *to be going* считать такой нельзя, а следует отнести к грамматике. В подтверждение этого вывода можно указать на временнное значение *to be going*, которое особенно ясно выступает в таких примерах, как *the meeting is going to begin at 5 o'clock* — собрание начнется в пять часов.

Рассмотрим теперь словосочетание иного порядка: оборот *there is* (*are*). Иногда выражается сомнение, следует ли относить это словосочетание к фразеологии или к грамматике. Нам представляется совершенно очевидным, что этот оборот относится к грамматике. В самом деле, между *there* и *to be* (*is*, *are*) нет устойчивой связи, поскольку наряду с *there is a book on the table* (на столе лежит (имеется) книга), можно сказать *there appeared a book on the table* (на столе появилась книга), или *there lived a man in that village* (в той деревне жил человек) и т. п. Следовательно, в этом случае мы имеем определенную грамматическую (синтаксическую) конструкцию, а не устойчивое словосочетание. Неправильно, что в большинстве учебников и программ это грамматическое правило (о предложениях с *there* в качестве формального подлежащего) трактуется слишком узко и связывается исключительно с глаголом *to be*, да еще только в одном или в двух временах.

Поскольку многие авторы относят к фразеологии сочетания глагола с предлогом (наречием), нам представляется небезинтересным остановиться несколько подробнее на сочетаниях этого типа, тем более, что они чрезвычайно характерны для английского языка.

Сочетание глагола с предлогом типа *to give up* (отказываться); *to look for* (искать); *to get up* (вставать); *to put up with something* (примириться с чем-либо) едва ли можно считать фразеологической единицей, поскольку для фразеологии характерно устойчивое сочетание слов. В этих же сочетаниях предлог, по существу, не является самостоятельным словом, а скорее чем-то близким к словообразовательному средству, подобно, например, отделяемым приставкам в немецком языке и глагольным приставкам в русском языке (сравните: вставать, *aufstehen* — stand up; надевать, натягивать, *anziehen* — *to put on* и т. д.).

Об этом же свидетельствует неустойчивость терминологии: второй компонент такого сочетания называют по-разному — предлогом (почти все английские авторы), наречием (проф. Смирницкий), послелогом (многие советские исследователи вопросов фразеологии) и наречием, похожим на предлог (*preposition-like adverbs*) — официальные, школьные английские грамматики.

В сочетаниях этого типа и глагол и второй компонент, как бы мы его ни называли, в той или иной мере утрачивают свое лексическое значение и воспринимаются в современном языке как единое целое.

Поэтому нам представляется более оправданным не относить сочетания такого типа к фразеологии, а считать их сложными глаголами.

Значительную трудность представляют также сочетания некоторых существительных с предлогами, например, *by chance* (случайно), *by means (of)* (посредством) и т. п. Эти сочетания обычно относятся к фразеологии. Однако верно ли это? В самом деле, есть ли принципиальная разница, скажем, между *by chance* (случайно) и *by force* (силой)? Нам кажется, что авторы, относящие *by chance* к фразеологии, находятся под влиянием перевода этого сочетания на русский язык словом «случайно», то есть наречием, а не творительным падежом существительного, которому обычно соответствует английское существительное с предлогом *by*. В то же самое время *by force* не относят к фразеологии, поскольку это сочетание переводится именно творительным падежом существительного.

Совершенно ясно, что такой подход является в корне неправильным, так как перевод на другой язык никак нельзя считать непосредственным критерием для определения фразеологии.

Нам кажется, что не только Л. А. Булаховский, но и некоторые другие авторы работ по вопросам фразеологии сознательно или несознательно считают основным критерием для отнесения того или иного словосочетания к фразеологии — невозможность «дословного» перевода на русский язык. Только этим можно объяснить отнесение приведенных и им подобных словосочетаний к фразеологии.

Мы не отрицаем возможности определенной классификации словосочетаний на основании их «дословной переводимости» на другой язык, но тогда понятие фразеологии приобретает совершенно иное значение — тогда придется говорить о фразеологии, например, английского языка по сравнению, скажем, с русским, французским или другим конкретным языком. Такое параллельное изучение словарного состава двух языков очень интересно и полезно, но нельзя этим подменять изучение фразеологии какого-то определенного языка в пределах материала самого этого языка.

Н. П. РОГОВА

ПРОБЛЕМА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБОРОТА КАК ЭКВИВАЛЕНТА СЛОВА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

В процессе развития языка часто наблюдается, что первоначально свободное словосочетание становится несвободным; из свободного словосочетания возникает фразеологический оборот. Для того, чтобы подтвердить это положение, достаточно проанализировать несколько фразеологических оборотов. Например, оборот *jemanden aus dem Sattel heben* возник как свободное словосочетание «выбить кого-нибудь из седла» (что являлось признаком поражения на турнире). С течением времени он потерял свое прямое конкретное значение и, переосмыслившись, превратился в фразеологический оборот, означающий «победить кого-нибудь, одержать над кем-нибудь верх».

Точно так же выражение *ein P vorschreiben* (объявить что-либо табу, запретить доступ к чему-либо) было в свое время свободным словосочетанием и означало «поставить на чем-либо букву «Р»». Это выражение возникло во времена эпидемии чумы (*Pest*) или не менее опасной черной оспы (*Pocken*), когда на доме, где имелись больные, писали букву «Р», чтобы предупредить, что в этом доме есть опасность заразиться этой страшной болезнью.

Очень часто фразеология дает указания на нравы и обычай, имевшие место в прошлом.

Например, в обороте *jemandem den Fehdehandschuh hinwerfen* (бросить кому-нибудь вызов), существующем со времен рыцарства, имеется указание на то, что в те времена при вызове на поединок один из противников бросал другому перчатку. Или оборот *sich selbst eine Rute binden*, означающий «причинить самому себе неприятность, доставить себе по собственной вине ненужные хлопоты», указывает на дикий обычай заставлять крепостных самих готовить розги (вязать в пучок), которыми их будут сечь.

Итак, фразеология представляет собой интересную область исследования не только для языковеда, но и для историка. После работ академика В. В. Виноградова, посвященных фразеологии, значение

термина «фразеология» перестало быть таким расплывчатым, каким оно было до сих пор. Этот термин стал однозначным. Фразеология — это совокупность всех несвободных словосочетаний в языке.

Какое место занимает фразеология в языке, то есть каковы ее взаимоотношения с основным словарным фондом, сейчас уже более или менее установлено. Она представляет собой весьма значительную часть словарного состава языка. К основному словарному фонду фразеологии не относится, однако ее роль в языке чрезвычайно велика: она придает ему образность и гибкость, обогащает его и делает его тем самым средством выражения тончайших оттенков значений. Однако было бы неверным ограничивать этим роль фразеологии, было бы неверным считать, что фразеология служит только образности языка. Фразеологические обороты часто выражают основные понятия. Фразеологические сочетания, например, *Platz nehmen* (занять место, сесть), *Abschied nehmen* (проститься), *Hilfe leisten* (помогать, оказать помощь), *zu Bett gehen* (ложиться спать), *zu Mittag essen* (обедать) и другие вовсе не содержат в себе образности и не являются ни в коей мере стилистическими синонимами слов, выражающими данные понятия. И если часть подобных оборотов может быть заменена словами-синонимами, как, например, приведенные выше: *Platz nehmen* — *sich setzen*, *Abschied nehmen* — *sich verabschieden*, *Hilfe leisten* — *helfen*, то другая часть из них таких синонимов даже и не имеет и является единственным средством выражения того или иного понятия, как, например, *zu Mittag essen* — оборот, для которого нельзя найти синоним в немецком языке, а лишь в числе иностранных слов (*dinieren*) или *zu sich kommen* (притти в себя), для которого можно найти синоним, но опять-таки не слово, а фразеологическое сочетание *in Besinnung kommen* или, наконец, *zur Rede stellen* (привлечь к ответу), оборот, не имеющий синонима вообще и являющийся единственным средством выражения заключенного в нем значения.

Поэтому автор настоящей статьи считает, что, определяя место фразеологии в языке, не следует, как делает К. Т. Баранцев¹, в числе критериев для отнесения фразеологии к словарному составу, а не к основному словарному фонду, называть неспособность фразеологии выражать основные понятия. Фразеология может выражать основные понятия, так как фразеологический оборот в большинстве случаев эквивалентен и часто синонимичен слову.

Рассмотрение вопроса об эквивалентности фразеологического оборота слову и является целью данной статьи. Необходимо оговорить, что из рассмотрения в данной статье полностью исключаются фразеологические обороты, представляющие собой развернутые предложения (пословицы, сентенции, афоризмы), которые уже по самой своей природе не могут функционировать в языке на правах слова, так как они выражают не отдельное понятие, а законченную мысль.

¹ См. «Иностранные языки в школе» № 6, 1951.

Академик В. В. Виноградов в предложенной им классификации фразеологических оборотов русского языка различает три несвободных фразеологических группы. Две из них — фразеологические сращения и фразеологические единства — он относит к синтетическим, а третью — фразеологические сочетания — к аналитическим. В. В. Виноградов говорит, что фразеологическое сращение в русском языке — эквивалент слова, фразеологическое единство — лишь потенциальный эквивалент слова, фразеологическое же сочетание он не приравнивает слову вообще. Он пишет об этом: «Фразеологические сочетания не являются безусловными семантическими единствами. Они аналитичны. В них слово с несвободным значением допускает синонимическую подстановку и замену, идентификацию»¹.

О фразеологических же единствах он пишет следующее: «В фразеологическом единстве слова подчинены единству общего образа или единству реального значения. Подстановка синонима или замена слов, являющихся семантической основой фразы, невозможна без полного разрушения образного или экспрессивного смысла фразеологического единства»².

Необходимо подчеркнуть, что, как бы ни была хороша классификация для одного языка, нельзя все ее положения переносить некритически на другой язык. Языки различны по своей структуре, а поэтому то или иное положение, действительное для одного языка, может оказаться совершенно недействительным для другого языка. В частности, если фразеологические словосочетания в немецком языке и можно распределить в основном по трем группам классификации В. В. Виноградова, то приведенное выше положение о невозможности подстановки синонима в фразеологическое единство или незаменимости слов, являющихся семантической основой фразы, материала немецкого языка часто опровергает. Нельзя отрицать, что в целом ряде случаев это положение подтверждается, но в немецком языке также имеется большое количество фразеологических сращений и единств, вполне допускающих подстановку синонима без всякого изменения значения фразеологического оборота в целом. Например: jemandem den Daumen drücken (halten) — пожелать кому-нибудь удачи; die Fahne (den Mantel) nach dem Winde drehen (hängen) — держать нос по ветру; jemandem seine Grillen austreiben (verjagen) — выбить у кого-нибудь дурь из головы; einen Affen (Narren) an jemandem gefressen haben — иметь к кому-либо большую склонность; jemanden zum Besten (Narren) halten (haben) — дурачить кого-нибудь, смеяться над кем-нибудь; jemanden in den Harnisch bringen (jagen) — вывести кого-нибудь из себя, разозлить; etwas in die Esse (in den Kamin) schreiben — сказать «пиши пропало», махнуть на что-либо рукой; alle Hebel

¹ «Академик А. А. Шахматов». Сборник статей и материалов, Изд-во АН СССР, 1947, стр. 362.

² Там же, стр. 357.

(Himmel und Hölle) in Bewegung setzen — пустить в ход все средства; mit einem blauen Auge (leichten; billigen Kaufes) davonkommen — дешево отделаться; einen blauen Brief bekommen (erhalten) — получить отставку, быть уволенным; einen guten Fang (Griff) machen (tun) — сделать хороший выбор; in seinem (im richtigen) Fahrwasser sein — быть в своей колее.

Этот список можно было бы продолжить.

Так же дело обстоит и с фразеологическими сочетаниями в немецком языке. В принципе они не отличаются от фразеологических единиц и фразеологических сращений. Академик В. В. Виноградов подчеркивает относительную лексическую отдельность компонентов фразеологического сочетания в русском языке. Если и можно говорить об относительной отдельности компонентов фразеологического сочетания в немецком языке, то только об очень относительной, так как и здесь нормы и возможности замены диктует традиция. Мы можем сказать, например: Maßnahmen ergreifen (или treffen) — принимать меры; Gelegenheit ergreifen (или wahrgenehmen, но не treffen) — не упустить случая; Wort ergreifen (или nehmen, но не treffen и не wahrgenehmen) — взять слово; Platz, Abschied nehmen (но не ergreifen) — сесть, проститься; in Brand setzen (или stecken) — зажечь, поджечь; in Bewegung setzen (но не stecken) — привести в движение и т. д.

Почему значение глагола ergreifen синонимично значению глагола treffen, если они сочетаются с существительным Maßnahmen, хотя глаголы ergreifen и treffen в свободном употреблении не имеют в своем значении ничего общего? Почему также глаголы ergreifen и wahrgenehmen становятся синонимами в сочетании с существительным Gelegenheit?

С точки зрения современного языка объяснить это невозможно, да и говорящий никогда не задумывается над вопросом, почему это так, как не задумывается над вопросом, почему «рука» — это «рука», «ухо» — это «ухо», «глаз» — это «глаз». Данные сочетания не создаются заново в процессе речи, а воспроизводятся; они существуют в языке как отдельные лексические единицы, как существуют слова — обобщенные названия понятий. Итак, та лексическая отдельность компонентов, которую отмечает акад. В. В. Виноградов в фразеологических сочетаниях в русском языке, оказывается весьма условной в фразеологических сочетаниях в немецком языке, так как значение по крайней мере одного из компонентов определяется всем фразеологическим сочетанием в целом, и имеются даже и такие фразеологические сочетания, в которых оба компонента приобретают определенное значение только во взаимосвязи, то есть взаимно определяют друг друга; например zur Rede stellen — привлечь к ответу.

Фразеологический оборот в немецком языке всегда выражает одно понятие, будь то фразеологическое сращение, фразеологическое единство или фразеологическое сочетание, например: Grillen fangen (фразеологическое сращение) — забивать себе голову пу-

стыми или печальными вымыслами; einen Bären aufbinden (фразеологическое сращение) — вратить, отливать пули; einen Korb geben (фразеологическое сращение) — отказать (преимущественно при сватовстве); jemandem unter die Arme greifen (фразеологическое единство) — помогать кому-либо; aus der Mücke einen Elefanten machen (фразеологическое единство) — из муки делать слона; sich auf die Bärenhaut legen (фразеологическое единство) — бить баклужи, бездельничать (фразеологическое единство) — придираться; in Bewegung setzen (фразеологическое сочетание) — пустить в ход; привести в движение; den Sieg davontragen — одержать победу; aus dem Geleise kommen — выйти из колеи; Widerstand leisten — оказывать сопротивление и так далее.

Значение почти каждого фразеологического оборота можно выразить одним словом, лишенным, правда, эмоциональной окраски, которая наличествует в фразеологических сращениях и единствах, но передающим то же самое понятие, например: j-m unter die Arme greifen — helfen (помогать); aus der Mücke einen Elefanten machen — übertreiben (преувеличивать); einen Bären aufbinden — lügen (лгать); einen Korb geben — absagen; ablehnen (отказывать); Widerstand leisten — widerstehen (сопротивляться); den Sieg davontragen — siegen (победить).

Из сказанного следует вывод, что при рассмотрении фразеологических оборотов в немецком языке не следует отрывать фразеологические сочетания от фразеологических сращений и фразеологических единств.

Особенно ярко проявляется эквивалентность фразеологического оборота слову при рассмотрении лексических особенностей слова в применении к фразеологическому обороту. Слово в языке существует не отдельно, оторвано, само по себе, а в системе. Место слова в системе языка определяется его синонимами, антонимами, омонимами, кроме того, слово может иметь многозначность и способность служить базой для образования новых слов. Несомненно, что эти лексические особенности слова присущи фразеологическому обороту.

Действительно, рассматривая фразеологические обороты в немецком языке, мы находим среди них большое количество синонимов, например: Den Daumen drücken=Hals und Beinbruch wünschen (желать удачи, желать ни пуха, ни пера); jemandem aufs Dach geben=j-m aufs Dach steigen=j-m den Kopf waschen (задать кому-нибудь головомойку); Schwein haben=Glück haben (иметь удачу); jemandem unter die Arme greifen=j-m auf die Beine helfen (помогать); Steine aus dem Weg räumen=den Weg ebnen (помочь проложить путь); Klüppel zwischen die Beine werfen=Steine in den Weg legen (вставлять палки в колёса); auf etwas Gift nehmen können=für etwas die Hand ins Feuer legen (ручаться за что-то, дать голову на отсечение); mit allen Hunden gehetzt sein=mit allen Wassern gewaschen sein=ein geriebener Kerl sein (быть травленым волком, пройти огонь и воду, быть тертым калачом); den Rahn abschöpfen=die Rosinen aus dem Kuchen klauben (снимать пенки,

выбирать лучшее); ein Auge zudrücken=durch die Finger sehen (смотреть сквозь пальцы); Wort ergreifen=Wort nehmen (взять слово); zum Ausdruck kommen=Ausdruck finden (найти выражение); zu sich kommen=in Besinnung kommen (прийти в себя); и так далее.

Тут же необходимо оговорить, что синонимичность эта в ряде случаев не абсолютна, да и вообще наличие абсолютных синонимов никак нельзя считать характерным явлением языка, имеем ли мы в виду фразеологические обороты или слова. Синонимы, как правило, только тогда и могут существовать на протяжении длительного времени в языке, если в значении их имеется некоторое (хотя бы и очень незначительное) различие (об этом см. ниже).

Антонимов среди фразеологических оборотов меньше, но они всё же встречаются, например: jemandem Sand in die Augen streuen (пускать кому-нибудь пыль в глаза) — j-m reinen Wein einschenken (просветить кого-нибудь в отношении чего-либо, сказать правду); leichten Kaufes davonkommen (дёшево отделаться); etwas teuer bezahlen müssen (дорого заплатить за что-то); durch die Blume sprechen (говорить иносказательно); kein Blatt vor den Mund nehmen (говорить без обиняков); Steine aus dem Weg räumen (убрать камни с дороги, помочь пробить путь); Steine in den Weg legen (вставлять палки в колёса); Platz nehmen (занять место); Platz machen (освободить место); das Wort halten (сдержать слово); das Wort brechen (нарушить слово); и так далее.

Анализируя способность фразеологических оборотов в русском языке иметь омонимы, В. В. Виноградов отмечает, что фразеологические единства чрезвычайно часто имеют омонимы, фразеологические же сочетания почти не имеют их. В немецком языке всякие фразеологические обороты могут иметь омонимы (даже и фразеологические сочетания, и не так уж редко, хотя, конечно, гораздо реже, чем фразеологические сращения и единства), причём в качестве омонима фразеологического оборота может выступать как свободное словосочетание, так и фразеологический оборот. Свободное сочетание в качестве омонима имеют, например, такие фразеологические сращения, как:

Grillen fangen —

- 1) забивать себе голову пустыми или печальными вымыслами (фразеологическое сращение);
ловить стрекоз (свободное словосочетание);

einen Korb geben —

- 2) отказать (фразеологическое сращение);
дать корзину (свободное словосочетание);

Pech haben —

- 1) быть неудачником;
- 2) иметь смолу;

или фразеологические единства, как:

- das Heft in der Hand halten — 1) распоряжаться (фразеологическое единство);
2) держать в руках тетрадь (свободное словосочетание);
3) держать в руках рукоятку (свободное словосочетание);
- jemandem unter die Arme greifen — 1) помогать (фразеологическое единство);
2) подхватить кого-нибудь под руки (свободное словосочетание);
- in den Schatten stellen — 1) затмить (фразеологическое единство);
2) поставить в тень (свободное словосочетание);
- или фразеологические сочетания:
- in die Höhe schießen — 1) быстро вытянуться (фразеологическое единство);
2) выстрелить вверх (свободное словосочетание).
- Академик В. В. Виноградов отмечает, что в русском языке имеются случаи, когда фразеологическое сочетание является омонимом фразеологического единства. Такие случаи нередки и в немецком языке, например: aus dem Geleise kommen (фразеологическое сочетание) — сойти с рельс (entgleisen) (как в предложении: die Lokomotive ist aus dem Geleise gekommen). Тот же самый оборот в переносном значении становится фразеологическим единством и означает «нарушаться» (Das ganze Leben ist aus dem Geleise gekommen).
- То же можно сказать и о фразеологическом обороте aufs Spiel setzen, который в прямом значении (поставить на карту в игре) представляет собой фразеологическое сочетание и фразеологическое единство в переносном значении — (рисковать).
- Таких случаев можно привести довольно много, например:
- den Nacken hoch tragen — 1) ходить с высоко поднятой головой, держать голову прямо (фразеологическое сочетание);
2) смотреть на всё свысока (фразеологическое единство);
- Schritt halten — 1) идти в ногу;
2) равняться с кем-нибудь, не отставать;

Feuer fangen —

- 1) загореться (Das Strohdach hat sofort Feuer gefangen);
- 2) увлечься кем-либо или чем-либо;

den Weg weisen —

- 1) указать дорогу (в буквальном смысле слова) и
- 2) направить (в переносном);

durch den Kopf jagen —

- 1) (eine Kugel durch den Kopf jagen) — прострелить голову;
- 2) (die Gedanken jagten ihm durch den Kopf) — промелькнуть в голове; и так далее.

Омонимия, как метко характеризовал данное явление В. В. Виноградов, это граница многозначности. Омонимы возникают в языке либо в результате фонетического совпадения разных слов (это случается реже), либо в результате развития отдельных значений многозначного слова в самостоятельные слова. Омонимы выражают различные понятия; многозначность слова — одно широкое понятие с разными оттенками значений. Анализируя способность фразеологических оборотов иметь омонимы, мы непременно приходим к выводу, что фразеологические обороты и их омонимы выражают разные понятия. В немецком языке отмечаются также и случаи многозначности фразеологических оборотов, когда различные значения, выражаемые данным фразеологическим оборотом, включаются в одно широкое понятие.

В журнале «Иностранные языки в школе» № 5 за 1952 год была опубликована статья Л. Бинович «О многозначности идиом». Автор на материале немецкого языка доказывает, что для немецкого языка вопрос о многозначности идиом ставить можно. Но этот вопрос можно ставить и шире: не только о многозначности идиом, но и многозначности фразеологических оборотов вообще.

Действительно, если проанализировать, например, фразеологическое сочетание *in Anspruch nehmen*, то исчезнут все сомнения относительно наличия многозначных фразеологических оборотов в немецком языке.

Выражение *in Anspruch nehmen* может означать: «претендовать», «притязать», «захватывать» (о человеке), «занимать», «отнимать» (о времени), например:

1) Diederich tat es mit Feuer: er nahm es als sein Verdienst in Anspruch, dem Feind den Weg abgeschnitten zu haben. (Дидерих сделал это с готовностью; онставил себе в заслугу то, что путь врагу был отрезан). (*H. Mann. Untertan*, стр. 119) — это одно значение.

2) Das Verbindungsleben habe ihn völlig in Anspruch genommen.
(Корпоративная жизнь полностью захватила его). (*H. Mann. Unterlan*, стр. 55) — второе значение.

3) Die Fahrt von meinem Haus bis zum Institut nimmt mir 40 Minuten in Anspruch. Дорога от моего дома до института отнимает у меня 40 минут) — третье значение.

Необходимо подчеркнуть, что многозначность не является характерным признаком фразеологического оборота. И это имеет свои причины. Фразеологический оборот, являясь эквивалентом слова, подходит по своей специфике ближе к сложному слову, чем к простому. Фразеологические сочетания, например, если они переходят в слово, образуют именно сложное слово, как *teilnehmen*, *zugehen*, *degehen* и т. д. Сложное слово обладает гораздо большей степенью конкретизации, чем простое слово. Сравни: *der Garten* — очень общее понятие, но *Obstgarten* (фруктовый сад), *Gemüsegarten* (огород) выражают понятия гораздо более конкретные. Именно благодаря своей большой конкретности по сравнению с простым словом сложные слова чрезвычайно редко бывают многозначны. По этой же самой причине и многозначность фразеологического оборота не частое явление в языке.

Теперь необходимо рассмотреть ещё одну и собственно последнюю лексическую особенность слова в применении к фразеологическому обороту — это способность слова служить базой для образования новых слов. Этой способностью фразеологические обороты обладают в гораздо меньшей степени, чем слово. Однако, как ни мало в языке слов, образованных от фразеологических оборотов, и как бы ни была ограничена их сфера употребления, некоторые из них всё же могут получить в языке чрезвычайно широкое распространение, прочно войти в обиходный язык и остаться там на долгое время, как, например, *die Inbetriebsetzung*, образованное от фразеологического сочетания *in Betrieb setzen*, или *der Buchhalter* — от *Buch halten*. В числе других слов, образованных от фразеологических оборотов можно назвать *Dingfestmachung* (содержание под стражей) — от *dingfest machen* (держать под стражей), *Schwarzseher* (человек, видящий всё в чёрном свете) — от *schwarz sehen*, *Inangriffnahme* — от *in Angriff nehmen* (приняться за что-то, начать что-то).

Hilfeleistung — *Hilfe leisten* (помогать), *Stellungnahme* (высказывание своего мнения) — от *Stellung nehmen* (высказать мнение, занять определенную позицию по отношению к чему-либо), *Rücksichtnahme* от *Rücksicht nehmen* (принимать во внимание). Сюда же можно отнести и новообразование *Schwarzhörer* (вольнослушатель) от *schwarz hören* — посещать лекции без разрешения.

Итак, мы проследили, что фразеологический оборот имеет все основные лексические особенности слова.

Кроме того, фразеологический оборот имеет ещё одну особенность, присущую слову: фразеология отличается большой устойчивостью. Фразеологический оборот живёт в языке веками так же, как и слово в словарном составе языка.

Например, фразеологическое сочетание *Atem holen* (вздохнуть) имеется уже в средневерхненемецком языке в текстах XII века (*atem holen*), а такие фразеологические обороты как *Sitten brechen* (нарушить обычай), *seine Schande tragen* (нести свой позор), *wider das Unrecht stehen* (быть против несправедливости) встречаются еще раньше — в древневерхненемецком языке, в текстах IX века (*situn brechan; scanda tragen; uuider unrechte stantan*).

Иногда бывает, что один из компонентов фразеологического оборота в свободном употреблении не встречается или переменил значение, но это ни в коей мере не отражается на значении и понятности всего оборота в целом. Например, оборот *mit Kind und Kegel* (со всеми, всем домом, целиком) включает слово *Kegel*, означавшее «незаконный ребенок», вышедшее в настоящее время из употребления. Однако понятность всего оборота в целом от этого не уменьшается. В обороте *durch Mark und Bein* (насквозь) слово *Bein* имело значение (кость) (сравни: *Elfenbein*). Теперь это слово означает «нога», но значение оборота в целом от этого не изменилось.

Что же является причиной такой устойчивости в языке?

К. Т. Баранцев причину устойчивости фразеологии видит в том, что в ней входят слова основного словарного фонда, которые чрезвычайно долго живут в языке.

По мнению автора этой статьи, объяснить устойчивость фразеологических оборотов тем, что в них входят слова основного словарного фонда, значит еще ничего не объяснить. Слова основного словарного фонда входят и в свободные словосочетания, но, однако, никому не придет в голову ставить вопрос об устойчивости свободных словосочетаний в языке. К тому же заявление о том, что в фразеологический оборот всегда входят слова основного словарного фонда, просто неверно.

В обороте *in Saus und Braus* (*in Saus und Braus leben* — прожигать жизнь) нет ни одного слова основного словарного фонда, что на устойчивости данного оборота однако нисколько не отразилось. Но кроме всего прочего, такой подход при объяснении этого явления может лишь запутать.

Спрашивается, имеет ли смысл расчленять фразеологический оборот на отдельные составляющие его слова? Имеет ли для нас какое-нибудь принципиальное значение, какие именно слова входят в тот или иной оборот? Вполне очевидно, что нет, так как значения отдельных слов (всех или части), входящих в фразеологический оборот, почти всегда растворяются в общем значении фразеологического оборота, а в фразеологических сращениях полностью сливаются в неразрывное единство, и выделение отдельных слов здесь приводит к бессмыслице. Для устойчивости фразеологического оборота никакого значения не могут иметь отдельные составляющие их слова, если они по сути дела не являются уже больше словами, так как не имеют назывной функции.

Фразеологический оборот представляет собой лексическую единицу, эквивалент слова. Это и является причиной большой устойчивости фразеологии в языке.

Так же, как то или иное слово может исчезнуть из языка только в случае исчезновения понятия или замены этого слова синонимом, так же и для исчезновения из языка того или иного фразеологического оборота нужно, чтобы исчезло понятие, которое выражается данным фразеологическим оборотом, или чтобы появился синоним, полностью заменяющий значение данного фразеологического оборота. Фразеологические обороты, как правило, имеют синонимичные пары — слова или описательные обороты, но синонимичность эта весьма относительная: они передают одно и то же понятие, но с различной окраской. Различная эмоциональная окрашенность чрезвычайно ярко выступает при сравнении фразеологических сращений и единства с их нейтральными синонимами. Например, *Mit allen Hunden gehetzt sein* — *viel erlebt und gesehen haben* (пройти огонь и воду — много пережить и видеть на своём веку). *Einen Bären aufbinden* (втирать очки) — *lügen* (лгать) и др.

Но и в фразеологических сочетаниях, где почти не приходится говорить об эмоциональной окрашенности, различие между фразеологическим оборотом и его синонимичной парой выступает подчас достаточно чётко. Имеются и абсолютные синонимы, как, например, *Platz nehmen* — *sich setzen*, *Hilfe leisten* — *helfen*, *Sorge tragen* — *sorgen*. Но такие пары довольно немногочисленны. Вообще абсолютные синонимы в языке обычно не сохраняются на долгое время. Если рассматривать синонимы того или иного языка, то бросается в глаза, что среди них почти совсем нет абсолютных синонимов. Такое полное совпадение значений, как в глаголах *beginnen* и *anfangen*, — большая редкость. Обычно либо синонимы имеют различные оттенки смысла или разную стилистическую окраску, либо один из них вытесняется другим.

Фразеологические обороты, в том числе и фразеологические сочетания с нейтральным, не образным значением, не исчезают из языка потому, что фразеологический оборот и его синонимичная пара имеют либо различную эмоциональную окрашенность, являются стилистическими синонимами по отношению друг к другу (см. выше), либо различные сферы употребления, как, например, *dem Wunsch, der Versuchung widerstehen* (не поддаться желанию, искушению), но *dem Feind Widerstand leisten* (оказывать сопротивление врагу). К тому же часто фразеологические сочетания, состоящие из существительного и глагола, и синонимичные им глаголы могут иметь значения, довольно сильно отличающиеся друг от друга. Если взять, например, выражение *Arbeit leisten* и глагол *arbeiten*, то в предложении: *Eg kann noch arbeiten* или *Eg kann noch irgend eine Arbeit leisten* можно говорить о синонимичности данного фразеологического сочетания и глагола, но эти синонимы получают совершенно различные значения, если их употребить, например, в таких предложениях: *Beim Bau dieser Fabrik haben die Aktivisten eine große Arbeit geleistet.* (При постройке этой фабрики активисты выполнили большую работу) и *Beim Bau dieser Fabrik haben die Aktivisten viel gearbeitet* (при постройке этой фабрики активисты много работали).

В конце XIX века в Германии некоторые грамматисты-практики (Вустманн, Энгель) выступили с идеями «очищения» немецкого языка от «ненужных тяжеловесных оборотов», т. е., попросту говоря, с идеей обеднения немецкого языка. Речь шла как раз о фразеологических сочетаниях типа: *Sorge tragen*, *in Betracht ziehen* (рассматривать, учитывать), *in Erwägung ziehen* (взвешивать за и против), *zum Druck*, *zur Aufführung gelangen* (быть напечатанной (о книге), быть поставленной на сцене (о пьесе) и др.). В своей книге «Allerhand Sprachdummheiten» Вустманн подвергает «уничижающей» критике тенденцию немецкого литературного языка использовать для выражения той или иной мысли словосочетание, где, по его мнению, можно было бы обойтись одним словом. Он пишет: «Виновато в этом частично требование писать «изысканным стилем» и избегать простого. Но нам гораздо больше нужен простой стиль, чем изысканный»¹. В этих словах выражалось то принципиально неправильное понимание причин языкового развития, которое свойственно многим западным лингвистам. Нельзя считать модой тенденцию развития языка, а наличие и образование в немецком языке фразеологических сочетаний, названных выше, является несомненно тенденцией развития языка, и, несмотря на все протесты Вустманна, Энгеля и других поборников «простого стиля», фразеологические обороты продолжают жить как в немецком народном языке, так и в его литературной форме.

Фразеология является неотъемлемой частью словарного состава, так как фразеологический оборот выполняет важную функцию в языке, функцию слова. Фразеологические обороты существуют в каждом языке в любой период его развития. Многие из современных фразеологических оборотов современного немецкого языка существовали уже в IX, X веках, например, как *Durch jemandes Hand gehen* (пройти через чьи-нибудь руки), *Opfer bringen* (приносить жертву), *in den Tod treiben* (довести до смерти) и другие встречаются уже в памятниках IX века. Некоторые из них несколько изменили на протяжении веков свою внешнюю форму (оборот *in den Tod treiben* звучал в IX веке *ze tod trīban*), другие были заменены синонимичными оборотами (*sigu* пеман оборотом *den Sieg davontragen* — одержать победу), третьи вообще вышли из употребления (*fridu geban* — умиротворить).

О части этих оборотов можно с полным основанием утверждать, что они уже в древневерхненемецком языке представляли собой несвободные словосочетания, так как они к тому времени уже потеряли свое прямое, конкретное значение. Например, фразеологическое сочетание *Opfer bringen* в своем прямом конкретном значении могло существовать только в понимании язычников, которые действительно приносили на алтарь своих богов конкретные жертвы (плоды или животных). Христианское же мировоззрение исключает жертвоприношения. А поэтому в памятниках IX века этот оборот

¹ Wustmann. Allerhand Sprachdummheiten, Berlin und Leipzig. 1923, S. 300.

мог быть употреблен только в переносном смысле, то есть он существовал в то время в языке уже как несвободное словосочетание.

Итак, тот тип фразеологических оборотов, против которого ополчился Вустманн и который он называет созданием последнего времени, существует в немецком языке на протяжении многих веков, причем количество этих оборотов постепенно увеличивается, что прослеживается по памятникам.

* * *

Таким образом, фразеологический оборот является эквивалентом слова, функционирует в языке как слово и обладает всеми лексическими особенностями слова и его устойчивостью в языке, независимо от того, представляет ли он собой фразеологическое сращение, фразеологическое единство или фразеологическое сочетание, если только он по своей структуре не является, как пословица, развернутым предложением.

И. П. МАТУСОВА, Е. А. УТКИНА

МЕТОДИКА РАБОТЫ НАД ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИМИ ОБОРОТАМИ¹

В овладении любым иностранным языком очень большую роль играет изучение фразеологии. К сожалению, в методиках преподавания языков этому вопросу не уделяется достаточно внимания и не освещаются пути овладения этим аспектом языка. С точки зрения изучения языка фразеология, которая является составной частью словарного фонда, имеет ряд особенностей и в методическом плане должна быть отделена от остальной лексики. Трудность изучения фразеологии и недостаточная разработанность методики ее подачи объясняется, по нашему мнению, тем, что фразеология является наиболее специфичным элементом языка и менее всего поддается систематизации для изучающего язык.

По сравнению с грамматикой, которая является собранием правил об изменении слов и сочетании слов в предложении и представляет собой стройную систему, и даже по сравнению с остальной лексикой, где вполне удается систематизация, например, по признаку одинакового корня или одинаковых словообразовательных элементов, фразеология меньше всего поддается какой-либо схематизации, которая облегчила бы ее изучение.

Считаем своей задачей наметить некоторые приемы, способствующие изучению фразеологии для лиц, ставящих себе целью овладеть, главным образом, переводом общественно-политической литературы. Но прежде всего надо уточнить, что мы подразумеваем под фразеологическим оборотом или устойчивым словосочетанием с точки зрения методики, не касаясь лексикологических вопросов. Под фразеологическим оборотом мы понимаем всякое устойчивое словосочетание, значения компонентов которого несвободны, а связанны, то есть эти компоненты в сочетании теряют свое прямое значение, а иногда и совсем не употребляются вне оборота.

¹ В этой небольшой статье авторы стремятся поставить некоторые вопросы в области методики преподавания фразеологии в целях облегчения понимания общественно-политических текстов.

В статье «К вопросу о слове» А. И. Смирницкий говорит: «...Фразеологические единицы обыкновенно могут рассматриваться как особого рода (а именно — идиоматичные) словосочетания, которые входят в состав языка, а не образуются свободно в речи. Таким образом, компоненты фразеологических единиц можно и нужно считать словами, но только специфически употребленными»¹.

В общей лингвистике в раздел фразеологии наряду с фразеологическими оборотами — эквивалентами слов — входит большое количество пословиц, поговорок и «крылатых слов».

В этой статье речь будет ити о одной группе оборотов, а именно, об эквивалентах слов. Примером таких оборотов с потерей одним из компонентов или ими обоими своего прямого значения могут служить в английском языке сочетания глагола to take с именами существительными part или place, где глагол to take теряет значение «брать», «взять». Оборот to take part является эквивалентом слова «участвовать» (сравни русское «принимать участие»). Оборот to take place означает «состояться» (ср. русское «иметь место»). Или немецкий глагол bringen, означающий «принести», в сочетании со словом in Bewegung означает «приводить в движение».

Для изучающего язык задача в отношении усвоения фразеологии, точно так же как в отношении всей лексики, распадается на две части: с одной стороны, необходимо накопить какой-то определенный минимум фразеологических оборотов, которыми учащийся должен владеть полностью, то есть сразу различать их в тексте и воспринимать на слух, а некоторые из них уметь воспроизводить устно. С другой стороны, необходимо, как и при изучении лексики, приобрести навыки, позволяющие предположить фразеологический оборот в читаемом тексте, уметь придать ему словарную форму и найти его в словаре.

РАБОТА НАД ОПРЕДЕЛЕННЫМ МИНИМУМОМ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБОРОТОВ, ПОДЛЕЖАЩИХ УСВОЕНИЮ

Среди известных нам современных языковых пособий нет словарей-минимумов фразеологических оборотов. Ряд пособий зарубежных авторов дают случайные списки фразеологических оборотов, которые не соответствуют тематике общественно-политических текстов.

Учитывая цели, стоящие перед изучающими язык, фразеологические обороты нужно систематически вводить на занятиях в тексты и упражнения с письменной и устной проработкой, подобно работе над лексикой. К сожалению, при наличии хорошо разработанных лексических упражнений существующие учебные пособия почти не дают упражнений на фразеологические обороты, и учащиеся не приобретают необходимого запаса фразеологических оборотов и

¹ «Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкоизнанию», Изд-во АН СССР, 1952, стр. 202.

навыков узнавания таких оборотов в оригинальных текстах, к изучению которых они приступают после учебника.

Для облегчения усвоения фразеологических оборотов мы делим их на группы в соответствии с их грамматической структурой. Такое деление не является классификацией и принято нами в чисто практических целях.

Наряду с таким делением нам представляется вполне целесообразным в методическом плане делить устойчивые словосочетания на образные и необразные, как это предлагает Б. Абрамов в статье «О преподавании фразеологии в средней школе»¹.

По грамматической структуре мы делим фразеологические обороты на две большие группы:

I. Абсолютно неизменяемые в смысле грамматических форм, например: by and by (вскоре), after all (в конце концов), in order to (для того, чтобы), nach wie vor (попрежнему) и т. п.

II. Фразеологические обороты, один или несколько компонентов которых могут иметь разные грамматические формы или какой-то компонент может заменяться. К грамматически изменяемым оборотам относятся следующие типы:

а) Выражения, имеющие в своем составе глагол + существительное с предлогом или без предлога, например, на немецком языке zum Ausdruck kommen, zum Ausdruck bringen; на английском языке to come to an end, to go for a walk (с предлогом); Pech haben, make use (без предлога).

б) Группы, имеющие предлог + прилагательное или местоимение + существительное, например: auf diese Art (таким образом), auf neue Art (по новому), on the one hand (с одной стороны), on the other hand (с другой стороны), in every way (всячески), in this way (таким образом).

в) Существительное со стоящим перед ним именем прилагательным: rote Ecke (красный уголок), pleine lune (полнолуние), blind alley (туник).

В английском языке в функции прилагательного в таких оборотах также может выступить имя существительное, например: horse power (лошадиная сила); animal husbandry (животноводство).

г) Глагол с послелогом: to look for (искать), to bring about (вызывать), to carry through (осуществлять).

В отношении последней группы (глагол с послелогом) в языкоznании не существует единого научно обоснованного мнения о том, следует ли относить ее к фразеологическим оборотам. Как бы ни был решен вопрос лингвистически, мы считаем необходимым с методической точки зрения специально обращать внимание учащихся на такую конструкцию, поскольку она часто вызывает затруднения у изучающих английский язык.

Что касается усвоения неизменяемых фразеологических оборотов, то для их закрепления можно применять такого же типа упраж-

¹ «Иностранные языки в школе» № 5, 1953.

нения, как и для закрепления лексики вообще, то есть, вопросно-ответные упражнения, подстановку фразеологических оборотов в соответствующий контекст, перевод предложений, содержащих уже знакомые обороты в окружении новой лексики и т. п.

В отношении выражений с имеющимися в них грамматически изменяемыми компонентами задача усложняется. Преподаватель знает, как часто уже известные обороты типа *to be away* (отсутствовать) или *es gibt* (имеется) не узнаются в тексте и представляют затруднения при переводе, если только они встречаются не в обычном времени или даже просто в придаточном предложении, например: *es kann... geben* (может иметься); *he must be away* (он должен уехать), *he has been away* (он уехал), *he will have been away* (он уже будет отсутствовать) и т. п.

Необходимо специально разработанными упражнениями привыкнуть учащихся распознавать грамматически изменяемые фразеологические обороты. Такими упражнениями могут быть, с одной стороны — преобразование времен в предложениях, содержащих данный фразеологический оборот, с другой стороны — выявление грамматически видоизмененного фразеологического оборота, определение его исходной формы и правильный его перевод.

Следует обратить внимание на то, что встречаются также словосочетания, которые в одном контексте сохраняют прямое, соответствующее их компонентам значение, а в другом контексте воспринимаются как фразеологический оборот. Так, например, в русском языке сочетание слов «протянуть ноги» может в одних случаях означать буквальное действие, а в других случаях иметь переносное значение и соответствовать слову «умереть». Или выражение с номинативной функцией «синий чулок» может в соответствующих контекстах быть простым сочетанием слов, сохраняющим значение отдельных компонентов, а в других контекстах иметь переносное значение, как фразеологический оборот.

МЕТОДИКА РАСКРЫТИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБОРОТОВ

При переходе к чтению неадаптированных текстов необходимо на первой стадии работы знакомить учащихся с фразеологическими оборотами в аудитории. Из наиболее часто встречающихся фразеологических оборотов почти в каждом общественно-политическом тексте можно встретить обороты типа глагол + прямое дополнение, например, *to take part* (участвовать), *to make use* (использовать), *Widerstand leisten* (сопротивляться).

В связи с тем, что у изучающих язык наблюдается стремление понять каждое слово в отдельности путем перевода на родной язык и потом строить из этих слов смысловую группу, надо разъяснить на примерах родного языка, что устойчивые словосочетания имеют единое смысловое целое, подобно одному слову, например: бросить взгляд — посмотреть, иметь место — происходить. Следует показать на примере, что изменяемая часть оборота может стоять

в любом времени, и объяснить, как найти словарную форму. Надо обратить внимание на то, что многие словосочетания иностранного языка эквивалентны одному слову родного языка, например: *to make use* (использовать), *aufger Kraft setzen* (отменить).

При сопоставлении разных языков наблюдается и обратное явление, т. е. когда одно иностранное слово соответствует по своему смыслу русскому словосочетанию. Например: *to outlaw* (объявлять вне закона).

Сложные слова в одном языке часто бывают эквивалентны словосочетанию в другом, например: *housewife* (домашняя хозяйка), *power station* (электростанция), *die Landwirtschaft* (сельское хозяйство).

Предложим для перевода следующие примеры:

A united front party buttressed by a broad popular movement can bring into being an anti-war, anti-monopoly people's government.

После модального глагола *can* стоит знакомый учащимся глагол *bring*, однако они убеждаются, что в известном им значении «нести» перевод слова не дает смысла и следует искать значение всего выражения *bring into being*, то есть (создать). (Это английское выражение эквивалентно одному слову в русском языке.) Переводим пример: Партия единого фронта, поддерживаемая широким народным движением, может создать антивоенное, антимонополистическое правительство.

В другом примере это же выражение встречается в герундиальном обороте:

All our thoughts, our energies, our activities must be devoted to bringing into being a mighty, organized, movement of the popular forces for peace against the warmakers. (Все наши мысли, наша энергия, наша деятельность должны быть направлены на создание мощного, организованного движения народных масс за мир против поджигателей войны).

При переводе надо ставить задачу отыскать словарную форму фразеологического оборота.

Для того, чтобы обратить внимание учащихся на несовпадение фразеологических оборотов иностранного и родного языков, можно привести пример, в котором глагол переводится словосочетанием. Так, например, в одном американском журнале мы читаем: Among these are... legislative and administrative measures to restrict or outlaw the Communist Party. (Среди них имеются законодательные и административные меры, чтобы ограничить или поставить вне закона Коммунистическую партию).

Если первый глагол в неопределенном наклонении переводится одним словом (ограничить), то надо обратить внимание на то, что значение второго глагола можно передать только фразеологическим оборотом (поставить вне закона).

Можно привести аналогичные примеры и в отношении фразеологических оборотов с именниной функцией. Некоторые устойчивые сочетания слов иностранного языка, выступающие в функции наименования, соответствуют одному слову родного языка, например:

kitchen garden (огород), blind alley (тупик), и наоборот, русские сочетания, например, сельское хозяйство, железная дорога, поджигатель войны, имеют в английском и немецком языках своим эквивалентом одно слово: agriculture, railway, warmonger, die Landwirtschaft, die Eisenbahn, der Kriegshetzer.

По мере накопления фразеологических оборотов изучающими язык на занятиях можно проводить наблюдение над тем, с каким словом образуется большое число фразеологических оборотов. Таким образом учащиеся узнают, что некоторые глаголы имеют свойство образовывать целый ряд устойчивых словосочетаний. Например, если взять из вышеприведенного предложения глагол *to bring*, то можно назвать еще ряд выражений, куда входит данный глагол: *to bring to a turn* (изменить), *to bring to a close* (закончить); *to bring the issue (before somebody)* (поставить вопрос перед кем-либо); *to bring together* (сплотить) и др.

В немецком языке такими глаголами являются *bringen*, *stehen*, *stellen*, *kommen* и некоторые другие. Например, с глаголом *kommen* можно назвать обороты *zum Ausdruck kommen* — (выражаться), *zur Verwendung kommen* — (применяться); *es kommt zu etwas* — (дело доходит до...) и т. д. Изучающим язык можно рекомендовать вести особую запись всех встретившихся им глаголов с широким фразеологическим полем.

Работа в аудитории над уяснением фразеологических оборотов состоит из анализа их структуры, определения их словарной формы и подыскания на родном языке эквивалентов их смысловых оттенков.

Интересно отметить, что многие обороты на разных языках совпадают по структуре, хотя отдельные их компоненты имеют разные смысловые значения.

Например: (принять во внимание) — *prendre en consideration*, *to take into consideration*, *in Betracht ziehen*; (говорить на ветер) — *parler en l'air*, *to speak at random*; (калиф на час) — *seigneur de moment*, *king for a day*.

Очень важный элемент работы над фразеологией — это анализ текста как средства выявления фразеологических оборотов. Если при работе над переводом учащиеся встречают словосочетание, отдельные компоненты которого логически не связаны и сочетание их кажется необычным, то они как бы получают предупреждение о наличии трудности лексического порядка. Иногда значение оборота, так же, как и значение отдельного слова, возможно вывести из контекста, когда этот оборот стоит в окружении знакомых слов. Если это невозможно, следует обращаться к словарю.

Таким образом, возникновение нелогичного предложения в результате попытки дословного перевода должно являться сигналом того, что здесь имеется словосочетание, которое необходимо найти в словаре или подыскать его смысловой эквивалент, сообразуясь с контекстом.

Приведем пример из иностранной статьи, где значение оборота подсказывается контекстом: *The speaker turned the tables on the bipartisan conspiracy.*

● Дословный перевод: (Докладчик перевернул столы (опрокинул столы) на заговор представителей двупартийной системы) приводит к несуразице, но так как из всей статьи ясно отношение докладчика к двупартийной политике своих противников, то имеется возможность понять действие и правильно перевести выражение словом (обрушился на...).

В другом примере перевод представляет большее затруднение: *on the issue of negotiations one of the members of Parliament continued to sit on the fence.*

Переводя это предложение дословно, то есть: (По вопросу переговоров один из членов парламента продолжал сидеть на заборе), — учащийся может лишь догадаться о том, что этот оборот представляет собой смысловое целое, и что для выяснения его следует искать в словаре целиком, то есть *to sit on the fence*, — что означает: «занимать выжидательную позицию».

Таким образом, дословный перевод служит двум целям: он позволяет, в первую очередь, выявить наличие фразеологического оборота, а в некоторых случаях прийти к правильной передаче смысла такого оборота. Преподаватель должен всемерно развивать способность слушателей к догадке, к наблюдению над переносным значением слов и их сочетаемостью.

Специальным упражнением для развития таких навыков может служить ряд примеров, в которых в различных контекстах дан один и тот же фразеологический оборот. Что касается его перевода на родной язык, то желательно вскрыть его внутреннюю, часто трудно передаваемую образность.

Иногда образ, заключающийся во фразеологическом обороте на иностранном языке, совпадает с образом на родном языке, что помогает сознательному усвоению таких оборотов.

Приведем пример. В статье, посвященной откликам в Англии на события во Вьетнаме, читаем: *The Economist has already let the cat out of the bag*, т. е. («Экономист» уже выпустил кота из мешка). Образ «кот в мешке» известен и на русском языке, как синоним чего-то неизвестного и поэтому для учащихся не составит трудности понять это предложение, как («Экономист» уже перестал скрывать истину).

Проблема перевода фразеологических оборотов с точки зрения замены их эквивалентными образными оборотами русского языка не входит в задачи данной статьи.

Помимо дословного перевода, сигнализирующего о наличии фразеологического оборота, очень рекомендуется при аудиторной работе в продвинутых группах проводить объяснение оборота на иностранном языке описательно или пользуясь синонимами, ранее известными слушателям, например: на немецком языке — *aus der Welt schaffen, vernichten* (уништожить); на английском языке — *on their own, on their initiative* (по их инициативе), *to bear in mind, to remember* (помнить). При этом всегда следует рекомендовать слушателям выписать встретившийся фразеологический оборот в особую тетрадь.

Следует иметь в виду, что основой работы над текстом является домашняя работа учащихся. Здесь задача в отношении фразеологии заключается в следующем: во-первых, осознать или предположить, что в данном тексте встретилось словосочетание, и, во-вторых, уметь найти его в словаре и правильно перевести.

Если в начале обучения языку, давая задание по переводу незнакомого текста, преподаватель облегчал раскрытие смысла фразеологического оборота, объясняя его значение или давая его эквивалент на родном языке, то на последующей стадии обучения преподаватель должен только указать на наличие фразеологического оборота в тексте, не давая к нему никаких пояснений. Конечно, это допустимо только в том случае, если преподаватель уверен, что данный фразеологический оборот можно найти в словаре или его значение может быть определено по контексту.

В отношении немецкого языка нужно обязательно указать, что фразеологический оборот, состоящий из глагола и существительного, в предложении подчиняется закону рамочной конструкции, то есть существительное занимает место предикатива и, следовательно, стоит в конце предложения. Например: Hier kommt ein wichtiger Gedanke zum Ausdruck. Фразеологическим оборотом является *zum Ausdruck kommen* (выражаться). Предложение переводится так: «Здесь выражается важная мысль».

В дальнейшем можно указывать не на весь фразеологический оборот, а лишь на один из его компонентов, чаще всего на глагол, рекомендуя слушателям выявить оборот самостоятельно и выписать его в свою тетрадь фразеологических оборотов. Эти записи должны систематически контролироваться преподавателем. Таким образом, учащийся постепенно приобретает навык нахождения фразеологических оборотов, и у него постепенно накапливается ценный справочный материал.

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА НАД ТЕКСТОМ И РАБОТА СО СЛОВАРЕМ

Что должно являться для учащихся сигналом наличия фразеологического оборота? Во-первых, как было уже указано выше, чаще всего фразеологический оборот опознается по недоумению в связи с дословным переводом (отсутствие логической связи). Например: (Deutschland stand eine kurze Zeit im XV und XVI Jahrhundert an der Spitze der europäischen Wirtschaftsentwicklung). Дословный перевод (Германия стояла на острие на XV и XVI веках в европейской экономической жизни) с несомненностью указывает, что слушателю здесь встретился фразеологический оборот: *an der Spitze stehen*, что соответствует русскому «стоять во главе».

Во-вторых, сигналом оборота является неожиданная грамматическая конструкция, например, *by and by* (вскоре), *nach und nach* (постепенно). Почему она неожиданна? Привычным окружением предлога является следующее за ним существительное с артиклем

или без него. Соединение двух предлогов союзом при отсутствии существительного должно показать фразеологический оборот. В предложении *er gewöhnte sich nach und nach an die neue Arbeit* (он постепенно привыкал к работе) совершенно очевидно, что *nach und nach* — фразеологический оборот, так как он не относится к существительному *die Arbeit*, перед которым есть предлог *an*. Выражения, подобные следующим: *Die Stunde ist aus, the lesson is over* (урок окончен), *they are out* (их нет), где встречается непривычное сочетание глагола-связки с предлогом, также должны натолкнуть на мысль о наличии фразеологического оборота.

Теперь возникает самый трудный вопрос, а именно вопрос о том, как разыскивать фразеологические обороты в словарях; не говоря о том, что требуются довольно значительные усилия, чтобы научить слушателей привести фразеологический оборот в словарную форму, мы не в состоянии дать четкие указания, на какое именно слово следует искать фразеологический оборот в словарях, поскольку существующие словари далеки от системы в объяснении оборотов.

Например, при анализе предложения: *in Kiel kam es zu einem Matrosenaufstand* было установлено, что здесь, видимо, фразеологический оборот *es kommt zu...* (дело доходит до...). Однако, словарь Рудаша (Немецко-русский словарь. Под ред. В. В. Рудаша, 3-е изд., 1947) дал этот оборот почему-то в Plusquamperfekt: *Es war dazu gekommen...* с переводом (дело дошло до того...). Переводим предложение: В Киле дело дошло до восстания матросов. Другое выражение: *Ein Unglück kam über mich* (меня постигло несчастье) произвольно дано в Imperfekt, хотя оно может быть вполне употреблено и в другом времени.

Идиоматические выражения, содержащие глагол, обычно даются на глагол, хотя это не является точным правилом. Например, выражение *Aufnahme finden* имеется в словаре Рудаша только на существительное *Aufnahme*, со значением «иметь успех», хотя это выражение чаще употребляется со значением «входить в состав», «включаться».

В отношении английского языка можно дать указание слушателям искать фразеологический оборот по алфавиту первого грамматически неизменяемого слова. Например: выражение *bring pressure to bear* следует искать по словарю Мюллера (Англо-русский словарь. Сост. В. К. Мюллер. Изд. четвертое, 1953 г.) на стр. 468 на слово *pressure*, выражение *to bring home* — на стр. 295 на слово *home* и т. д. Словарь Мюллера довольно точно придерживается этого принципа, но и в нем есть отступления. Например, при переводе предложения из статьи У. Фостера «Особые черты американской империалистической экспансии»: *These democratic and pacifistic pretenses are merely a tipping of the hat to the deeply ingrained democratic and anti-militaristic sentiments of the American people* выяснилось, что сочетание слов *tipping of the hat* представляет собой фразеологический оборот. Но словарь Мюллера ни на слово *hat*, ни на глагол *tip* этого оборота не дает.

Переводим предложение:

Эти демократические и пацифистские заверения являются просто поклоном перед глубоко укоренившимися демократическими и антимилитаристическими настроениями американского народа.

При приведении в словарную форму таких английских грамматически изменяемых фразеологических оборотов, где имеется притяжательное местоимение, необходимо давать особые пояснения. Например, в предложении: *He made up his mind to devote himself entirely to journalism* следует не только восстановить инфинитив глагола *made up to make up*, но и заменить притяжательное местоимение 3-го лица единственного числа *his* притяжательной формой безличного местоимения *one*. Таким образом, фразеологический оборот приобретает словарную форму *to make up one's mind*, и, обратившись к словарю, учащиеся смогут перевести предложение: Он принял решение (решил) полностью посвятить себя журналистике.

В настоящее время перед преподавателями иностранного языка в области изучения фразеологических оборотов стоят две неотложных задачи: 1) разработать методику преподавания фразеологических оборотов, 2) составить по единому принципу словари-справочники фразеологических оборотов, облегчающие нахождение оборотов и приводящие ряд примеров их использования.

Доцент Т. А. ДЕГТЕРЕВА

МЕТОДЫ И ПРИЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СЛОВАРНОГО СОСТАВА ЯЗЫКА

Методологической основой каждой советской науки является метод диалектического материализма. Этот метод, как указано в «Кратком курсе истории ВКП(б)», требует, чтобы каждое явление изучалось в связи с окружающими его другими явлениями. «...Явление в природе не может быть понято, если взять его в изолированном виде, вне связи с окружающими явлениями, ибо любое явление в любой области природы может быть превращено в бессмыслицу, если его рассматривать вне связи с окружающими условиями, в отрыве от них, и, наоборот, любое явление может быть понято и обосновано, если оно рассматривается в его неразрывной связи с окружающими явлениями, в его обусловленности от окружающих его явлений»¹.

Диалектический метод требует, чтобы явления рассматривались не только в их взаимной связи и обусловленности, но также требует рассматривать явления в их движении, в их изменении, в развитии, в возникновении и отмирании.

Таков должен быть марксистский, материалистический подход к анализу и рассмотрению фактов в любой отрасли науки, в том числе и в языкоznании. Однако каждая наука осуществляет этот общий подход к рассмотрению явлений своими специальными приемами исследования, в зависимости от специфики самих явлений и конкретных задач исследования. Так же и языкоznание имеет свои собственные приемы научного анализа, поскольку оно имеет своим предметом особое общественное явление — язык.

Эти специальные приемы и методы лингвистического анализа могут быть эффективными и правильными, а могут быть и неверными и ложными. Их эффективность подтверждается и проверяется практикой и зависит от того, насколько они согласуются с основными требованиями диалектического материализма, а именно с требова-

¹ «Петория ВКП(б). Краткий курс», стр. 101.

нием рассмотрения явлений в взаимной связи и обусловленности и с требованием рассмотрения их в развитии, в процессе зарождения и отмирания.

История языкознания знает много специальных методов и приемов исследования языкового материала. Из них наиболее известными являются пять: 1) сравнительно-исторический метод, занимающий в языкознании исключительное место по своему значению и эффективности; 2) этимологический метод, применяемый в период, непосредственно предшествующий эпохе научного языкознания, а затем уже позднее лингвистами, главным образом, зарубежными, которые занимаются мало изученными группами языков, особенно кавказскими языками; 3) так называемый палеонтологический метод анализа слов по четырем элементам Н. Я. Марра, порочность и научная несостоятельность которого были вскрыты в ходе дискуссии по вопросам языкознания в 1950 году и особенно глубоко в трудах И. В. Сталина по языкознанию; 4) географический метод и, наконец 5) метод статического анализа, который находится только лишь на первой ступени своей научной разработки.

Сравнительно-исторический метод был создан и разработан в своих основных чертах в первой половине XIX века. И хотя его создатели были далеки от правильного понимания сущности языка, далеки от материалистического мировоззрения, они непосредственно, под влиянием самих языковых фактов, и, по-своему, правильно подошли к изучению собранного ими языкового материала, как состоящего из явлений, имеющих развитие во временной протяженности и последовательности и находящихся в состоянии взаимной связи, если они принадлежат к разным периодам одного языка или языков, родственных по происхождению. Эти правильные теоретические предпосылки обусловили дальнейшее плодотворное развитие сравнительно-исторического метода и его эффективность при анализе и исследовании языковых фактов. Этим объясняется также и то, что этот метод получил признание и в советской лингвистике в результате дискуссии 1950 года по вопросам языкознания.

Сравнительно-исторический метод натолкнул лингвистов на мысль о наличии языкового родства отдельных групп народов, а фактические исследования для подтверждения правильности этой мысли были мощным и решающим толчком для развития сравнительно-исторического метода. Этот метод показал, что он обеспечивает чрезвычайно широкие возможности изучения истории зафиксированных в письменности родственных языков, так как сравнение с учетом истории сравниваемых фактов позволяет показать не только историю развития того или иного языка, но и восстановить такие периоды существования этого языка, которые не нашли своей фиксации в письменности.

С помощью сравнительно-исторического метода была довольно четко разработана генеалогическая классификация языков. Эта классификация языков по семьям является целиком и полностью продуктом сравнительно-исторического метода. Правда, еще нельзя сказать, что мы имеем исчерпывающую генеалогическую классифи-

кацию всех языков земного шара. Современное языкознание насчитывает в настоящее время около 3000 живых языков¹.

Изучение многих из этих языков началось совсем недавно, а многие не изучены вовсе. Наиболее изученными являются лишь семья индоевропейских языков, семья хамито-семитическая и угроФинская семья языков, и начато изучение в сравнительно-историческом плане тюрко-татарских, иберо-кавказских и китайско-тибетских языков. Впереди у языковедов большая работа по определению родственных связей подавляющего большинства живых и значительного количества мертвых языков, работа, имеющая исключительное значение для восстановления картины исторических взаимоотношений народов с времен глубочайшей древности.

Изучение родственных связей между отдельными языками имеет также большое значение для правильного понимания внутренних законов языкового развития. На это указывает И. В. Сталин, когда он критикует неправильное отношение Н. Я. Марра и его последователей к сравнительно-историческому методу. И. В. Сталин пишет:

«Н. Я. Марр высокомерно третирует всякую попытку изучения групп (семей) языков, как проявление теории «праязыка». А между тем нельзя отрицать, что языковое родство, например, таких наций, как славянские, не подлежит сомнению, что изучение языкового родства этих наций могло бы принести языкознанию большую пользу в деле изучения законов развития языка»².

Для установления языкового родства сравнительно-исторический метод имеет свои определенные принципы. Самым главным из них является тезис, что надежнейшим критерием родственной близости двух исторически сравниваемых языков является близость их грамматического строя, причем не только в тенденции его развития, а главным образом в деталях отдельных форм. Из всех компонентов языка грамматический строй является наиболее устойчивым, наименее уязвимым в отношении иноязычных влияний и отличается чрезвычайно постепенным и медленным темпом развития.

Второй принцип данного метода заключается в том, что историческое сравнение словарного состава должно принимать во внимание его легкую проникаемость в отношении иноязычных влияний и разное качество его отдельных лексических прослоек. Поэтому следует при установлении лексической общности изучать, главным образом, корневые слова, существующие в анализируемых языках за весь период, прослеживаемый по памятникам письменности, и тщательно проверять, является ли эта общность исконной, то есть результатом родственных связей языков, или приобретенной в ходе развития исторических, а может быть и доисторических взаимоотношений народов, говорящих на привлекаемых для сравнения языках. Инструментом такой проверки является анализ закономерных звуковых и семантических изменений в этих языках в процессе их развития. Наконец, для того, чтобы установить, являются ли избран-

¹ Пражские структуралисты указывают цифру 2796.

² И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 33—34.

ные для анализа слова двух сравниваемых языков результатом их родственной близости, следует точно проверить, могут ли эти слова, согласно историческим звуковым закономерностям в каждом из этих языков, быть приведены к единой прайснове сопоставляемых слов. При этом нельзя игнорировать и семантику слов, а именно в том плане, насколько возможны разные смысловые изменения, исходящие из первичного значения слова — прайсновы. Поясним это на примерах.

В русском языке имеется слово «гора». В болгарском языке слово равного звучания выступает в значении «лес». Албанское слово *gug* означает понятие «камень». Древнерусский язык располагал словом *garian* со значением «дерево». Собрав все эти разноязычные звуковые формы и установив их значение, мы должны определить, имеем ли мы право эти слова при вариации коренной гласной и при наличии разной семантики считать словами изначальной языковой общности. В отношении разнообразия коренного гласного звука нас полностью успокаивает давно установленная парадигма сравнительной фонетики индоевропейских языков: индоевропейский архетип *dhvrg* (дверь), санск. *dvâg*, дýг, лат. *fores* литов. *dûrys*, русск. «двор» и «дверь». Согласно этой парадигме, различные варианты огласовки индоевропейской звуковой формы, представленной в русском языке в звуковом комплексе «гора», должны восходить к индоевропейскому архетипу *gvg*, который в индоевропейских языках зафиксирован с исчезновением «в». Это исчезновение придает сонорному звуку слоговую значимость — *ig* или —*or/ag* в зависимости от звуковых взаимоотношений в каждом конкретном языке.

Теперь посмотрим, как могла развиваться семантика данного слова в пределах одного языка, то есть попытаемся установить возможности семантического развития в историческом разрезе анализа. В данном случае наиболее эффективным будет анализ семантического развития данного звукового комплекса в русском языке. Современный русский язык знает в содержании слова «гора» только одно значение.

Однако древнерусский язык использует данное слово в двух основных значениях, а именно «горы» и «леса»¹. В современном болгарском языке в его литературной обработке слово «гора» употребляется только в значении «лес», тогда как разговорный болгарский язык знает и значение «гора» при данном звуковом комплексе. Примеры этих двух языков показывают, что значения «гора» и «камень», с одной стороны, и «лес», «дерево», с другой стороны, вполне совместимы.

Сравнительно-исторический анализ показывает, что развитие семантики данной индоевропейской звуковой формы шло примерно по следующему пути: гора и камень — гора, покрытая лесом — лес — дерево. При этом в одних языках слово оставалось только

¹ См. И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, 1893, т. I, стр. 552.

в исходном значении, например, в санскритском *giri-h* «гора», в авестийском языке *gaṛi* «гора», в албанском *gut* «камень», в русском — «гора». В других языках слово в разные периоды своей истории получает вторичное значение, но скоро эти вторичные значения снова исчезают. Так, например, обстояло дело в русском языке.

В третьих языках вторичные значения одерживают победу над первоначальным значением слова и вытесняют его из употребления, например, в литовском *giria* «лес», в латышском *dzire* «лес», древнепрусском *garian* «дерево», в болгарском литературном языке — гора «лес».

Таким образом, нам совершенно ясно, что все разноязычные варианты данного корня являются лексической общностью значительной части индоевропейских языков. Но является ли эта общность результатом родства языков? На этот вопрос можно дать утвердительный ответ, так как варианты данного звукового комплекса существуют уже в самый ранний период письменной фиксации вышеуказанных языков, а сами языки — родственны между собой, что подтверждается исторической близостью их грамматического строя, то есть такой близостью, которая особенно ярко проявляется в более древние периоды существования данных языков.

Итак, для того, чтобы ту или иную общность в области словарного состава языков рассматривать как результат родственных связей этих языков, необходимо установить два решающих момента: 1) дает ли грамматический строй сравниваемых языков право считать данные языки родственными, и 2) если грамматический строй свидетельствует о их родственной близости, то дает ли нам история развития конкретного звукового комплекса в фонетическом и семантическом отношении возможность утверждать, что равноозвученные слова разных языков восходят к единой праконформе.

Остановимся сначала на доказательстве необходимости учета второго момента. Для этой цели возьмем следующий пример: русское слово «лист» (лист дерева, лист бумаги и т. д.) и немецкое слово *die List* (хитрость). Звуковая форма этих разноязычных слов совпадает полностью, но мы, однако, не можем говорить, что в данном случае мы имеем дело с лексической общностью данных двух языков. Значение «лист дерева» и «хитрость» настолько далеки друг от друга, что с самого первого взгляда вызывают сомнения в возможности сведения этих разноязычных, но равноозвученных слов к одному знаменателю. И действительно, сравнительный анализ и историческом плане убеждает нас, что мы здесь имеем дело с разными, неродственными друг другу корнями.

Немецкое слово *List* является производным словом от корня *lis*, общего с корнем глагола *lehren* (учить). Русское слово «лист» с древнейших времен выступает как корневое слово в значении листа растения, являясь лексической общностью лишь славянских и балтийских языков. Никакого отношения к русскому слову «лист» не имеет также и немецкое слово *die Liste* (список, реестр), так как «лист» в значении «лист бумаги» встречается уже в древнерусских письменных памятниках XI века, тогда как немецкое слово *Liste*

в значении реестра появляется всего лишь в XVI веке в качестве заимствования из итальянского языка, который в свою очередь заимствовал данное слово из древневерхненемецкого языка, где *lîsta* (современное немецкое слово *Leiste*) имело значение «брюсок», «пояс».

Внешнее созвучие слов современных языков является очень часто обманчивым и может легко ввести в заблуждение лингвиста, не владеющего в достаточной мере техникой сравнительно-исторического анализа. И это тем более, что при совпадении звуковой формы иногда наблюдается и совпадение в семантике слов. Так, например, известный болгарский языковед Вл. Георгиев в своей интересной работе «Vorgriechische Sprachwissenschaft» (София, 1941) приводит многочисленные факты случайного совпадения формы и смысла в разных абсолютно неродственных языках, из которых особенно показательны коптское слово *šenpe* и немецкое *Schene* в значении «сарай», малайское *male* (глаз) и новогреческое *mali* (глаз), русское «рука» и *rukâ* в одиом из диалектов Гватемалы с тем же значением и т. д.

Наблюдаются и многочисленные случаи, когда отдельные слова в современных языках выглядят совершенно различными по своему звуковому оформлению, а на самом деле восходят к единой правой форме. Так, например, русское слово «осень» и немецкое слово *Ernte* (урожай) являются разноязычными вариантами одного и того же корня, относящегося к общему лексическому достоянию славянских, балтийских и германских языков. Русскому слову «осень» соответствует в древнепрусском языке слово *assanis* (осень), в готском *asans* (время жатвы, лето, жатва), в древневерхненемецком *aran* (множ. число *ergrî*) в значении жатвы, урожая (*s* = *г* является историческим закономерным тождеством в рамках развития немецкого языка).

Древневерхненемецкий глагол *agpôp*, производный от вышеуказанного существительного, дал в свою очередь основу для образования существительного *agpôt*, которое во множественном числе с суффиксом *-i* стало восприниматься постепенно, как абстрактное существительное женского рода в единственном числе. В результате стяжения формы **agpôti* образовалась звуковая форма *Ernte* (урожай, время урожая) в немецком языке.

Два разных языка могут иметь отдельные лексические общности, но эти общности, как уже было сказано, необязательно свидетельствуют о родстве данных языков. Если нет общности в грамматическом строю, общности в словообразующих и формообразующих аффиксах, то нет также оснований рассматривать отдельные лексические соответствия как результат родственных языковых связей.

Родство языков предполагает именно общность их основ, а основами языка являются грамматический строй и основной словарный фонд. И если основы двух языков исторически не тоджественны, то единичные лексические соответствия хотя могут восходить к единой общей форме, но их наличие объясняется не родством языков, а доисторическими или историческими связями носителей этих языков.

ков, в результате которых произошло заимствование слов одного языка из другого. Покажем это на примерах.

Хеттский язык имеет относительно значительное число лексических соответствий с древнеегипетским языком. Так, известный ориенталист Форрер¹ перечисляет, например, хетт. *hattuš* (серебро) и египет. *hd* (серебро); хетт. *hant-š* (лоб, лицо), *hanti* (впереди) и египет. *hnt* (лицо, впереди); хетт. *imija-mi* (я смешиваю) и египет. *əmj* (смешивать), сравните с индоевропейским корнем *mig; хетт. *uva-mi* (я иду) и египет. *íw* (итти); хетт. *ištamaš-mi* (я слушаю), *ištamanęš* (ухо) и египет. *šdm* (слушать); хетт. *aṭta-š* (отец) и египет. *ít* (отец), сравните с готским *attā* и русским словом «отец»; и ряд других соответствий.

Однако эти соответствия не позволяют делать вывода о родстве данных языков, так как их грамматический строй не поддерживает эти элементы лексической общности. Мы здесь можем говорить лишь об общностях, созданных в результате исторических связей народов, которые были носителями этих двух языков. Исторические взаимоотношения данных народов относятся ко второму тысячелетию до нашей эры, а вышеуказанные слова являются в этот период и в том и в другом языке достоянием основного словарного фонда. Следовательно, их проникновение в один из этих языков относится к значительно более раннему периоду.

Форрер считает, что эти общности объясняются экспансией одного из индоевропейских народов глубочайшей древности, а именно лувийцев, которые уже в IV тысячелетии до нашей эры явились значительной этнической прослойкой населения Египта. Лувийский язык этой прослойки потерпел, видимо, поражение в соревновании с египетским языком коренного населения Египта и полностью растворился в последнем, придав ему, однако, значительное количество индоевропейских корней.

И еще один пример. Сумерийское слово *igud* (медь) находится в безусловной родственной близости с древнерусским словом «рудый» (красный), русским словом «руда» и вообще с индоевропейским корнем *reudh* (красный). Но имеем ли мы основание думать о родстве сумерийского и индоевропейских языков? Пока общность ограничивается только несколькими словами, то о родстве языков не может быть и речи. Можно лишь ставить вопрос о том, как возникли те или иные лексические общности в этих неродственных друг с другом языках. Такие лексические общности дают повод лингвистам и историкам искать возможности контакта этих народов в какой-либо период их предисторического существования. Так, например, Вальде и Покорный, авторы известного «Сравнительного словаря индоевропейских языков» считают, что сумерийцы заимствовали слово *igud* у индоевропейцев². Но эта точка зрения пока еще мало и недостаточно аргументирована и вызывает сомнение.

¹ - *Journal Asiatique*, CCXVII, Paris, 1930.

² - *Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen*, B. 2, S. 359.

Итак, лексические соответствия хотя и очень интересный языковый материал для исследовательской работы историка, однако, они далеко не всегда могут быть критерием для установления языкового родства.

Сравнительно-исторический метод получил положительную оценку в работе И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». И. В. Сталин отметил также, что этот метод имеет и серьезные недостатки.

Самым серьезным и существенным недостатком сравнительно-исторического метода является его однобокость. Правильно учитывая историчность языковых фактов, данный метод в его традиционной форме не принимал во внимание взаимосвязи и взаимообусловленности языковых фактов в рамках одного языка на определенном отрезке его развития. Иными словами: игнорирование системности языка является главной погрешностью традиционного сравнительно-исторического анализа против одного из основных положенийialectического метода, которое требует, чтобы каждое явление рассматривалось в связи с окружающими явлениями. Этот существенный недостаток сравнительно-исторического метода явился причиной того, что сравнительно-исторические грамматики представляли собой до сих пор сборники исторических справок по отдельным фонетическим и грамматическим явлениям вместо того, чтобы быть осознанным описанием развития системы языка.

Из этого коренного недостатка вытекает и другой недостаток, а именно — полное обособление сравнительно-исторического метода от метода статического, так что некоторые из наших лингвистов считают себя вправе ограничить применение сравнительно-исторического метода только на область реконструкции более древних форм языка. Так, например, А. И. Смирницкий в своей весьма содержательной и интересной статье «К вопросу о сравнительно-историческом методе в языкоznании» пишет:

«Сравнительно-исторический метод в языкоznании в специальном смысле этого термина есть научный прием восстановления (реконструкции) не зафиксированных письменностью прошлых языковых фактов путем планомерного сравнения соответствующих более поздних фактов двух или нескольких конкретных языков, известных по письменным памятникам или непосредственно по живому употреблению в устной речи»¹.

А. И. Смирницкий прав в том смысле, что традиционный сравнительно-исторический метод действительно использовался только в этих ограничивающих поле лингвистической исследовательской работы рамках, но эта ограниченность и является, с нашей точки зрения, существенным, подлежащим преодолению недостатком данного метода. Чтобы преодолеть этот недостаток, нам необходимо добавить к вышеуказанным принципам сравнительно-исторического метода еще важный дополнительный принцип рассмотрения явлений в их взаимосвязи с окружающими и часто обуславливающими их

¹ «Вопросы языкоznания» № 4, 1952, стр. 4.

другими явлениями. Иными словами, усовершенствовать сравнительно-исторический метод приемами статического анализа.

Однако прежде чем подробнее остановиться на рассмотрении статического метода, мы должны сделать несколько критических замечаний в адрес палеонтологического анализа по марровским четырем элементам, который, как известно, претендовал заменить собою сравнительно-исторический метод.

Так называемый палеонтологический четырехэлементный метод Н. Я. Марра возник из ложного предположения о материальном единстве всех языков мира, проходящих якобы единый путь своего развития, и из отрицания исторической самобытности каждого языка, как единого и общего для создавшего его народа средства общения. Гипотетическое предположение Марра, что все языки мира развились из четырех звуковых элементов, которые определялись Марром совершенно произвольно, как Сал, Бэр, Йон, Рош, развились путем скрещения этих элементов друг с другом, затем снова путем многократного скрещения уже скрещенных форм между собою, — было лишено какого-либо научного и фактического обоснования.

Палеонтологический четырехэлементный анализ Марра предусматривал широкое сравнение самых разнообразных языков между собою, но это сравнение базировалось на случайном совпадении звуковых форм, с одной стороны, и на совпадении семантики разнозычных и разноозвученных слов, с другой стороны. Совпадение звуковых форм при расхождении их в смысловом содержании давало Н. Я. Марру возможность приравнивать друг к другу совершенно несовместимые значения. Совпадения в семантике использовались Марром для произвольного, антинаучного сближения звуковых комплексов в разных языках.

Таким образом, создавались фантастические лексические общности в языках совершенно различных по своему происхождению, носители которых никогда не соприкасались в своих исторических и доисторических периодах существования. Каждый язык брался Марром и его последователями вне его развития.

Н. Я. Марра совершенно не беспокоило то обстоятельство, что совпадающие в звуковом отношении слова разных языков были несовпадающими в более древний период их развития. Фактическую сторону вопроса Н. Я. Марр презрительно отбрасывал как элемент формализма. Вполне последовательно он пришел и к отрицанию необходимости применения сравнительно-исторического метода, как метода, по его словам, формального.

Н. Я. Марр был антиисторичен в своих приемах лингвистического исследования. Его формулы фонетических изменений четырех элементов выдвигались им как действующие неизменно во всех языках и во все времена в равной степени. Недоказуемая изначальность имени этих четырех элементов, антинаучный, антиисторический подход к языковым фактам при сближении разнозычных совпадений разных звуковых форм при совпадении их смысла — все это справедливо заслуживает ту суровую характеристику, которую дал

И. В. Сталин, а именно, что четырехэлементный анализ Марра является не чем иным, как гаданием на кофейной гуще.

Прообразом четырёхэлементного анализа Марра является применяющийся и применявшийся некоторыми буржуазными лингвистами так называемый этимологический метод.

Этимологический метод возник на почве недостаточных теоретических знаний, особенно знаний сравнительно-исторического материала в области общего и частного языкоизучания. Этим методом пользовались лингвисты до того, как были разработаны принципы сравнительно-исторического анализа. Лингвист, оперирующий этимологическим методом, брал произвольно то или иное слово одного языка и искал сходно звучащее слово в каком-либо другом живом или мертвом языке. Так могло сравниваться слово из языка народа, жившего в четвертом тысячелетии до нашей эры, с похожими по своему звучанию словами из каких-либо языков современного периода их развития. То обстоятельство, что слова современных языков имеют позади себя многовековый путь развития и во многих случаях они иначе звучали даже два-три века назад, это обстоятельство совершенно игнорируется приверженцами этимологического метода. На основе выявления сходно звучащих слов в двух разновременно существовавших языках выдвигается тезис о родстве данных языков, причем это делается, невзирая на принципиальные различия в характере грамматического строя сравниваемых языков.

Примером применения этимологического метода на русской почве может служить работа неизвестного автора, изданная в 1811 году под названием «О сходстве санскритского языка с русским». В этой работе сравнивались слова санскрита с похожими по звучанию словами русского языка, и на основании многих внешних лексических совпадений утверждалось, что русский язык чанбюлее близок к санскриту. Показателен тот факт, что разные произносительные формы одного и того же санскритского слова определяются автором вышеуказанной работы как разные слова¹, так как автор даже и не подозревал, что звуковой состав языка имеет развитие и что это развитие может иметь свои особенности не только в разные периоды существования языка, но и в одновременно существовавших или существующих диалектах.

Другим примером является труд, изданный Московской университетской типографией в 1855 году, озаглавленный: «О языке Пелазгов, населивших Италию и сравнение его с древне-словенским». В этой работе автор в предисловии выдвигает тезис, что «словене происходят по прямой линии от Пелазгов», и на основе этого тезиса умозаключает, что можно гипотетически признать и сходство языка пелазгов со старославянским. В ходе изложения материала делается попытка показать на конкретном материале это сходство.

При дешифровке звуковой состав пелазгийских надписей произвольно подгоняется к звуковым формам русского языка. Вырванные

¹ См. статью А. П. Баранникова в журнале «Вопросы языкоизучания» № 2, 1952, стр. 46. Следует заметить, что автор статьи дает преувеличенную оценку вышеуказанной работы.

из контекста слова или слова, найденные в изолированном виде, определяются в семантическом отношении согласно значению сходных по звучанию русских слов и их грамматических форм. Для иллюстрации приведем пример из этой же книги (стр. 131). Автор выбирает из разных источников формы одного слова и пишет их в один ряд без указания их контекста, а затем под ними подставляет созвучные им грамматические формы русского слова, например: *setra*, *setre*, *setrii*, *setrisa*: сестра, сестре, сестры, сестрица. Автор такого исследования не сомневается, что созвучные грамматические окончания и словообразовательные суффиксы пелазгийских форм имеют то же значение, что и в русском. Таким образом, иллюстрируется поразительное сходство пелазгийского и русского языков и с легкостью определяются значения всех пелазгийских слов. И этого представителя этимологического метода ничуть не смущает тот факт, что при его способе определения значения пелазгийских слов ни один пелазгийский текст в целом нельзя прочесть и понять его содержание.

Практический неуспех дешифровки показывает как нельзя лучше научную несостоятельность этимологического метода. Нельзя произвольно производить сопоставление только на базе случайного созвучия, чисто внешнее сопоставление отдельных лексических форм вне контекста, вне учета исторической изменчивости форм в каждом конкретном языке.

К этимологическому методу прибегают и теперь многие лингвисты, работающие в области таких частных языкоznаний, которые не накопили достаточно сведений по истории своих отдельных языков. Применение этимологического метода особенно характерно для некоторых советских и многих буржуазных специалистов по кавказским языкам, например, для итальянского лингвиста Тромбетти.

Если этимологический метод представляет собою довольно не новый прием лингвистического исследования, то так называемый географический метод в лингвистике в основном является порождением XX века. Интерес к диалектам, который пробудился во второй половине XIX века, способствовал развитию особой отрасли языкоznания — диалектологии. Диалектологи пользовались первоначально описательным, примитивно статическим методом. Они брали определенный район и описывали особенности фонетического и морфологического строя говора этого района. Лексика обычно оставалась вне поля зрения диалектологов, потому что описание диалекта предполагало цель дать дополнительные сведения для сравнительно-исторической грамматики.

Однако в начале XX века диалектологи круто меняют направление своей работы. Их внимание привлекает не весь диалект в целом, а отдельные фонетические, морфологические и в значительной мере лексические факты. Центр тяжести переносится на лексику потому, что интерес к территориальному распространению отдельного языкового факта породил специальный метод, а именно географический, сущность которого заключалась в установлении так называемых изоглосс, или линий территориального распространения

отдельного слова в его определенной звуковой форме или грамматического форманта.

На первых порах географический метод ставил себе очень скромные цели — собрать дополнительный детальный фактический материал, который бы уточнил общее представление о национальном языке. В таких узких и специальных рамках географический метод вполне оправдывал себя. Однако с ростом популярности так называемого культурно-исторического направления буржуазной лингвистики, во главе которого стояли Шухардт и Мерингер, географическому методу начинают придавать исключительно большое значение, которого он совершенно не заслуживает.

Направление Шухардта ставило своей задачей прослеживание того, какие наименования имеет та или иная вещь в разные эпохи и в разных районах определенной национальной территории. В разности наименований усматривалась разность в свойствах и качествах самой вещи. Этот вульгарно-социологический подход к лексическим фактам, игнорирующий действительные связи отдельных лексических единиц с системой словарного состава в целом, игнорирующий наличие синонимов в каждом языке и их взаимоотношения, привел к преувеличению удельного веса отдельной лексической единицы и ее внесистемного анализа в науке о языке.

Исследование отдельных слов и их отношений к обозначаемым ими вещам объявляется центральным отделом языкоznания и получает специальное название **ономасиологи**. Географический метод выдвигается на роль основного метода лингвистического анализа. Лингвисты-диалектологи, деятельность которых протекает под очень сильным влиянием ономасиологического направления, постепенно прекращают изучение диалекта, как единого целого, и занимаются составлением карт территориального распространения отдельных языковых явлений, главным образом лексического порядка.

Под воздействием космополитических идей идеалистической неофилологии Фосслера в Германии и во Франции, Бонфантэ в Италии диалектологи приходят к выводу, что диалекты как целостные системы не существуют в действительности, что каждое языковое явление шире границ территории диалекта и даже территории национального языка. По их мнению, под диалектом можно условно считать только наиболее густой пучок пересекающихся линий территориального распространения отдельных языковых, главным образом, лексических явлений.

За отрицанием существования диалекта, как единого целого, последовало и отрижение существования языка народности, языка нации. Так, итальянский представитель географического метода Бонфантэ, критикуя младограмматиков и излагая свои лингвистические позиции, говорит:

«Для младограмматиков подобные слова, как **французский язык, итальянский язык, английский язык**, обозначают вещи, которые имеют реальное существование и реальное единство. В действительности, однако, как показывает любой лингвистический атлас — или просто ежедневное наблюдение, нет никакого единства, а

только колоссальное число диалектов, изоглосс, колебаний и вибраций всех видов, огромное бурное море враждующих сил и противоположных тенденций»¹.

Таким образом, лингвисты, сторонники абсолютного господства географического метода в исследовании языкового материала, из-за деревьев не увидели леса. Превратив исследование территориального распространения отдельных слов в самоцель, они потеряли правильное представление о реальном соотношении компонентов языка, о целостности и взаимообусловленности этого соотношения. Отсюда отрижение существования национального языка, как единого целого, как самобытного явления. Отсюда переоценка роли скрещивания языков и диалектов в становлении национального языка, которую мы наблюдаем, например, в работах Фрингса и его школы в Германии.

Географический метод может быть только частным дополнительным приемом сравнительно-исторического метода, но ни в коем случае он не должен доводиться до абсолютного всеобъемлющего метода языкоznания, ибо для этой роли ему нехватает широты охвата материала, возможности проследить взаимосвязи языковых явлений между собою, благодаря чему он не способен дать исследователю факты, пригодные для широких и принципиально важных обобщений.

Недостаточная теоретическая и практическая эффективность рассмотрения отдельных языковых фактов вне системы языка, вне связи их друг с другом, была осознана многими лингвистами еще в конце прошлого столетия. В частности, на это впервые в истории лингвистики обратил внимание известный русский языковед Иван Александрович Бодуэн-де-Куртенэ, глава так называемой Казанской школы русского языкоznания. Бодуэн-де-Куртенэ поставил под сомнение право сравнительно-исторического метода на абсолютное господство в области лингвистического исследования и выдвинул тезис, что статический анализ больше и глубже способствует раскрытию конкретной языковой системы, чем метод исторического сравнения, так как система языка представляет собою устойчивое состояние языковых компонентов.

К мысли о необходимости разработки нового метода лингвистического исследования, учитывающего взаимосвязь языковых явлений, приходят лингвисты и на Западе, в первую очередь швейцарский языковед Фердинанд де Соссюр, глава так называемой «социологической» школы в языкоznании. Вновь разрабатываемый метод получает название статического, так как его функцией является описание системы конкретного языка как неподвижного, замкнутого в себе целого. Соссюр обосновывает статичность системы языка тем, что языковые изменения лежат якобы за пределами системы языка, а именно в индивидуальной речи. Этот ложный взгляд на язык, как статичное состояние, предопределил основной недостаток статического метода — его антиисторичность.

¹ Журнал «Language» № 4, т. 23, 1947, стр. 348.

Однако статический метод в данный период своей разработки буржуазными лингвистами страдает не только пороком антиисторичности. Его характеризует ещё оторванность от языковой материи. Рассматривая систему языка, как нечто нематериальное, существующее лишь в сознании языкового коллектива, Фердинанд де Соссюр и его современные последователи в лице представителей так называемого структурального языкознания выдвигают в качестве объекта исследования не конкретный язык, а «извечные ценности», независимые от языка и несвязанные необходимым образом с звуковой материей конкретного языка. А раз исследуется некий мифический бесплотный язык вообще, то фактически не может быть и речи о действительном плодотворном теоретическом анализе языковых фактов.

Как же все-таки удается западным фокусникам от лингвистики проводить исследования чего-то, что не имеет физической субстанции? По их словам, они не исследуют — этим занимаются более «старомодные» школы языкознания,— а систематизируют, определяя свою деятельность и ее результаты термином «системология». Так, в отношении грамматики, системологи с помощью разноязычного сравнения устанавливают сумму возможных грамматических понятий и систематизируют их вообще безотносительно к какому-либо конкретному языку. Типичными в этом плане являются работы копенгагенских структуралистов — Брендэля, Ельмслева и других.

В области лексики систематизация производится по понятийно-тематическому принципу опять-таки безотносительно к конкретному языку. Покажем это на типичном примере книги Рудольфа Халлига и Вальтера фон Вартбурга «Система понятий как основа для лексикографии»¹.

В введении к этой книге авторы излагают свои теоретические позиции, которые в основном сводятся к следующему: согласно структуральной теории, язык состоит из двух моментов, а именно: 1) из членения, благодаря которому все выразительные средства языка образуют единое целое, образуют систему, и 2) из «языкового образа мира» (*Weltbild der Sprache*), поясняемого как мир духовных ценностей, который вклинивается между индивидуумом и его восприятиями внешнего мира и который в то же самое время является промежуточным миром между выразительной и коммуникативной функцией языка (стр. 5 введения). Для того, чтобы учесть эти два момента языка, составляющие якобы его сущность, следует систематизировать только понятия, которым в случае практической надобности можно подчинить словарный состав того или иного языка. Но как при систематизации изобразить понятия, чтобы им не мешала конкретная языковая материя? «Было бы целесообразнее,— пишут Халлик и Вартбург,— если можно было бы применять знаки, которые не имели бы ничего общего с языком» (стр. 13 введения).² И они предлагают изобрести специальные типографские

¹ R. Hallig und W. V. Wartburg. *Begriffssystem als Grundlage für die Lexikographie*, Akademie Verlag, Berlin, 1952.

знаки, которые служили бы только условным обозначением понятий, а не слов.

Изложив свои теоретические принципы, Халлиг и Вартбург приступают непосредственно к систематизации понятий по темам, дающим якобы расчлененный «языковый образ мира». Согласно этому языковому образу мира, в очень неприглядном свете предстаёт перед нами человек. Так, в разделе «Потребности человеческого существа» даются три подраздела: в первом из них перечисляются понятия, непосредственно связанные с «понятийными центрами», как «мясо», «хлеб», «табак» и т. п.; во втором подразделе, озаглавленном «Сексуальная жизнь», перечисляются понятия сексуальных извращений, которые, по мнению указанных авторов, являются физической необходимостью человека. При этом следует отметить, что в русском языке отсутствуют в своем большинстве как эти понятия, так и соответствующие им слова. Третий подраздел озаглавлен «Одежда» и имеет соответствующие заглавию перечисления.

Итак, вышеуказанная работа, которая является типичным продуктом современного буржуазного языкоznания и авторы которой пользуются репутацией маститых ученых, заключается в группировке возможных понятий безотносительно к конкретному языку. Ее авторы затратили большое количество времени на эту трудоемкую, но по существу бессмысленную работу. Бессмысленной же эта работа является потому, что она занимается распределением по рубрикам материала системы не существующего в действительности языка вообще, лишенного плоти и крови, лишенного конкретного носителя и тем самым реального существования.

Все эти современные упражнения известной группы зарубежных лингвистов не снимают, однако, необходимости дать научную разработку статического метода. Ибо бесплодность этого метода в применении структуралистов еще не говорит о его непригодности для лингвистического исследования. Ведь бесплодны и безрезультатны будут вообще все методы, если исследоваться будет несуществующее в действительности. Статический метод, несмотря на свое порочное использование в трудах реакционного структурального языкоznания, может все же стать научным методом лингвистического исследования, так как он отвечает одному из важных требований диалектического материализма — рассматривать явление в связи с окружающими его явлениями. Правильная исходная позиция, что язык является стройной и взаимообусловленной системой его компонентов, даст хорошие результаты в исследовании, если под системой языка будет пониматься не абстрактная схема, лежащая вне конкретного языка, а самобытный реальный язык конкретного народа во всем многообразии взаимодействия и взаимообусловленности его грамматического строя, словарного состава и звукового оформления.

Статический метод должен быть освобожден также и от своего основного порока — антиисторичности. Между сравнительно-историческим методом и статическим методом (который лучше было бы называть «системным методом», так как советское языкоznание должно рассматривать систему языка в развитии, отрицая ее ста-

тичность) не должна лежать пропасть. Оба метода должны гармонически сочетаться друг с другом, как приемы, которые в совокупности обеспечивают применение диалектического метода в языкоизнании, ликвидируя порочную однобокость каждого из них.

Уже первые попытки сблизить эти два метода привели к чрезвычайно ярким и значительным результатам в истории языкоизнания. В качестве примера можно привести приемы работы современного знаменитого чешского лингвиста Б. Грозного. Возьмем его принцип дешифровки хеттского языка.

До Грозного неизвестные мертвые языки дешифровывались путем сравнительно-исторического метода при обязательном наличии и использовании билингв, то есть параллельных текстов на других, уже известных лингвисту-дешифровщику языках. При отсутствии таких билингв лингвист-дешифровщик был совершенно беспомощен. Сравнительно-исторический метод не давал в этом случае ключа к дешифровке.

Б. Грозный взял за отиравной пункт своей работы однозычные тексты, которые он хотел разъяснить исходя из общей системы их языка и подкрепляя анализ фактами, которые предоставляет сравнительно-исторический метод. Обладая исключительным дарованием в области лингвистического анализа, Б. Грозный действительно смог проникнуть в тайны структуры давно уже мертвого и до конца XIX века совершенно неизвестного для лингвистов хеттского языка и определить его родственные связи с другими мертвыми и живыми языками.

При дешифровке хеттского языка Б. Грозный исходил из хеттской фразы *pi NINDA-an ezaateni wâdarma ekuteni*. Из этой фразы ему были известны три элемента: во-первых, он хорошо знал значение сумеро-аввилонской идеограммы *NINDA*, которая в системах сумерийской и ассирийской клинописи обозначала понятие «хлеб», во-вторых, хеттологи уже определили морфему *-ап*, как окончание винительного падежа единственного числа, в-третьих, было также известно, что суффикс глагольных форм *-teni* имел значение признака второго лица будущего времени. И опираясь на эти уже известные данные, Грозный начал свой комбинированный анализ. В фразе, в которой говорится о хлебе, рассуждал Б. Грозный, по всей вероятности будет и выражение для глагола «есть», тем более, что понятие «хлеб» выступает в роли прямого дополнения, оформленного суффиксом винительного падежа. Таким глаголом в данной фразе может быть только *ezaateni*, имеющий глагольный суффикс второго лица множественного числа. Для подтверждения того, что этот глагол действительно обозначал понятие «есть», «принимать пищу», Б. Грозный привлекает сравнительно-исторические данные индоевропейских языков, в которых корень *es-*, *ed-* выступает при соответствующем грамматическом оформлении в значении (еда), «есть». Итак, первая часть фразы переводилась, как «хлеб будете есть». После определения смысла первой части фразы Б. Грозный приступает к дешифровке второй части из системы всей фразы в целом.

Учитывая общеизвестную склонность древневосточных народов к семантическому параллелизму, выражаемому в параллельной грамматической форме, Б. Грозный считает, что вторая часть должна иметь следующий смысл: «воду будете пить». По аналогии к первому глаголу не трудно было определить, что для понятия «будете пить» соответствием может явиться только форма *ekuteni*. Сравнительно-исторический анализ слова вскрыл родство корня *eku* с латинским словом *aqua* (вода). Следовательно, предположение о наличии во фразе параллелизма полностью подтвердилось. Теперь уже не представляло затруднений видеть в форме *wâdarma* языковое воплощение для понятия (вода), тем более, что ее звуковое сходство с германскими и славянскими обозначениями этого понятия бросается в глаза, сравните немецкое *Wasser*, английское *water*, русское (вода) и т. д.

И вот все предложение дешифровано как: «И будете есть хлеб, будете пить воду». Предположение об индоевропейском характере языка напрашивается само собою. Дальнейшая дешифровка полностью подтверждает это предположение.

Современники Б. Грозного по работе в данной области в один голос заявили, что они не могут согласиться с ним относительно индоевропейского характера хеттского языка, а его метод считают ненаучным. Однако фактический материал хеттского языка, в большом количестве дешифрованный и определенный в своей лексической и грамматической семантике Б. Грозным, заставил скоро убедиться даже самых упорных противников Грозного, что он был прав, утверждая индоевропейский тип грамматической структуры и значительной части словарного состава хеттского языка.

Особенно упорствовали немецкие ориенталисты. Признавая, в конце концов, правильность выводов Грозного и большие фактические результаты его работы, они всё еще продолжали писать о ненаучности исследовательских приемов этого блестящего ученого. Так, немецкий лингвист Фридрих, соглашаясь с переводом вышеуказанной фразы, заявляет в своей работе «*Hethitisch und Kleinasiatische Sprachen*», что долгий звук «а» в слове *wâdarma* противоречит всем звуковым законам индоевропейских языков и поэтому Грозный не имел права на основании внешнего звукового сходства отождествлять это слово с германскими формами типа английского *water*. Хотя толкование слова правильно, писал Фридрих, но сам метод чреват опасностью, что исследователь будет видеть индоевропейскую этимологию также и там, где ее трудно объяснить путем анализа комбинаторных изменений.

Также и другой немецкий хеттолог, Ф. Зоммер, изошарялся и сочинении нелестных характеристик по адресу исследовательских приемов Б. Грозного, говоря и о губительной сиренеозвучия, жертвой которой пал якобы Гроэнай, и об антинаучности, и о том, что своими успехами в деле дешифровки хеттских документов Грозный обязан всего лишь слепой и счастливой случайности, и т. д.

Лингвистам, возведшим по младограмматической традиции звуковые законы в самодовлеющий абсолют, было трудно примириться

с методом Б. Грозного, основой которого была система хеттского языка в движении и взаимодействии ее компонентов. Композиция фразы, ее грамматическая и стилистическая структура, количественные соотношения слов в отношении их соприкосновений с лексическим составом индоевропейских языков были решающими моментами дешифровки и анализа, тогда как историческом сравнение звуковых форм индоевропейских языков и хеттского языка являлось дополнительным приемом, необходимым для проверки правильности полученных данных.

Итак, исходя из предпосылки, что отдельные элементы языка могут быть уяснены из его системы в целом, Грозный смог не только расшифровать хеттский язык, но также в какой-то мере и языки, которые были зафиксированы неизвестными ему письменными знаками, как то: протоиндийский язык, язык древнейшего населения острова Крит и другие, до Б. Грозного совершенно не поддававшиеся дешифровке языки. Таким образом, мысль об исследовании языка в исторически-системном плане оказалась весьма плодотворной, а плодотворность является одним из существеннейших критериев правильности применяемого метода, правильности той или иной теории.

Однако не следует думать, что сфера применения системного анализа языковых фактов ограничивается только дешифровкой мертвых языков. Его значение для уяснения языковых явлений при теоретическом исследовании современных языков и при их практическом изучении едва ли может быть переоценено. Особенно плодотворен системный анализ в применении к словарному составу языка, когда исследуются смысловые изменения слов. Ибо если причины изменения значения в целом лежат за пределами системы языка, они обусловлены целиком и полностью потребностями общества в наименованиях для новых предметов и явлений, то изменение значения в пределах конкретного слова зависит в первую очередь от системы всей лексики данного языка.

Каждое слово существует в языке, как правило, не изолированно, а входит членом в определенную группировку слов вокруг единого центра — корня определенной значимости. Внутри такой группировки слова находятся в различных семантических взаимоотношениях в зависимости от того, является ли слово, лежащее в центре такой группы слов, однозначным или многозначным.

Примером однозначного центра может быть хотя бы корневое слово «гриб», группирующее вокруг себя слова «грибной», «грибок», «грибница», «грибастый». Таких однозначных центров для групп производных слов в языке имеется сравнительно мало.

Более типичными для системы любого языка являются многозначные лексические центры, типа корневого слова «гроза», выступающего в значении определенного явления природы, в переносном значении «человека, внушающего другим людям страх», и в переносном значении «угрозы». Производные от этого корневого слова группируются соответственно этим трем значениям. 1-я группа: «гроза»

(явление природы), «грозовой», «грозовая» (гром, туча); 2-я группа: «гроза» (человек с указанным выше свойством), «грозный», «грозить»; и 3-я группа: «гроза» (угроза), «угроза», «угрожать», «угрожающий», «грозный» (например, «грозный час»). Второе значение носит ярко выраженный оценочный характер, а судьба переносных значений оценочного характера зависит от общественной среды, в которой используется слово в процессе общения членов общества. Поэтому второе значение в этом слове утратило в нашем обществе свою первоначальную актуальность в современном русском языке, что выразилось в стилистическом сужении сферы его употребления: данное значение используется только лишь в ироническом плане.

Различные значения корневого слова и его производных обычно как-то соотносятся друг с другом, имеют ассоциативные связи, но в процессе дальнейшего развития семантики отдельных звеньев (под звеном здесь понимается слово с одним из его значений и с его производными при данном значении) ассоциативные связи в сознании языкового коллектива могут стереться и исчезнуть. Тогда возникают омонимы, т. е. разные слова по своему смысловому содержанию, но одинаковые по своей звуковой форме. Так возникли, например, омонимы Bauer (крестьянин), Bauern (строитель) и Bauer (клетка) в немецком языке, которые исторически связаны с различными значениями глагола. При этом процесс омонимизации может брать свое начало в разрушении ассоциативных связей между значениями корневого слова в роли центра группы производных с последующим изменением семантики соответствующих производных слов, а может коснуться сначала какого-либо из производных слов, которое затем влияет на все звено соответствующего значения.

Сохранение значения, даже ассоциативно связанного с другими значениями данного слова, и сохранение омонима в языке зависят от широты и прочности этимологической сферы этого слова в данном значении и от наличия синонимов с данным значением. То есть, здесь решающую роль играет тот момент, насколько тесно соприкасается это значение с другими значениями слова и имеются ли производные слова от этого слова в данном значении, с одной стороны, и есть ли в языке материальная возможность обойтись в общении без употребления слова в этом значении. Это положение наглядно иллюстрируется примером древнерусского слова «гость». Данное слово имело в древнерусском языке несколько значений: 1) «гость», 2) «приезжий», 3) «чужеземец» и 4) «купец». От слова в первом значении существовали производные «гоститва» (пир), «гостити» (угощать) и другие. Синонимов к этому значению в языке не имелось. Это создавало гарантию для сохранения слова в указанном значении. И когда производное слово этого звена — «гостити» — приобрело второе значение «быть гостем», то изменение семантики этого производного слова не повлияло на семантику корневого слова, так как это изменение не противоречило исходному в этом случае значению, а, наоборот, усиливало его. Зато потеря смысловой четкости производного слова «гостить» привела к созданию синонима «угощать» на основе того же корня с тем же значением, что обогатило данное

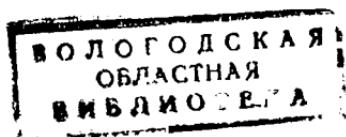
звено 'новым производным словом. Вновь созданный синоним для одного значения позволил вытеснить это значение из содержания слова «гостить». От слова во втором значении, ассоциативно весьма близкого к первому значению, существовали также производные, например: «гостиный»; «гостиныца» (гостиница), «гостиныйник» (живущий на постоянном дворе) и другие.

Синонимы имелись к каждому из этих слов, но они не смогли вытеснить ни одно из них, разве только последнее из указанных, так как для обозначения приезжего было достаточно и самого слова «гость». Причины устойчивости этого значения в этом слове объясняются прочностью ассоциативных связей с первым значением и наличием большого количества производных. Прочностью ассоциативных связей с первым и вторым значением объясняется также и сохранение третьего значения в содержании слова «гость», хотя оно не имело своих производных. Отсутствие производных было причиной того, что слово в третьем значении получило стилистическое ограничение в употреблении.

Четвертое значение не имело соответствующих производных слов, зато обладало большим количеством синонимов. При отсутствии прочных ассоциативных связей с тремя первыми значениями эти два обстоятельства были причиной исчезновения значения «купец» из содержания слова «гость».

Семантические взаимоотношения слов многими лингвистами на Западе и у нас определялись термином «семантическое поле». Однако этот термин нам представляется неудобным тем, что он предусматривает анализ слова только в синхронном плане, учитывает лишь моменты семантики, игнорируя материальное родство отдельных элементов группы слова. Игнорирование материальной близости элементов группы ведет или к структуральному разрешению проблемы, как это имеет место на Западе, или к такому же бесплодному объединению слов в семантические пучки, как то делал Марр и его последователи. Поэтому мне хотелось бы предложить термин «этимологическая сфера» для обозначения семантических взаимоотношений в историческом (диахронном) и статическом (синхронном) планах внутри группы слов, связанных общностью корневой морфемы. Ибо понятие «этимология» слова включает в себя моменты материального (звукового) и смыслового истоков конкретного слова в их единстве, а понятие «сфера» в данном контексте — радиус взаимодействия этих моментов на определенном отрезке времени. Таким образом, термин «этимологическая сфера» слова подчеркивает как системные связи слов по их звуковому составу, так и системные связи этих же слов по их семантике. Что же касается взаимоотношений слова с его синонимами, антонимами, омонимами, то эти взаимоотношения следует определить, как место слова в системе словарного состава языка. При этом место слова в системе словарного состава языка определяется всесторонним анализом этимологической сферы слова, ибо рассмотрение явления вне его развития, а только в статике, является ненаучным и не принесет положительных результатов.

Итак, из всех специальных приемов исследования языка, которыми располагает языкознание, научное обоснование имеют только сравнительно-исторический и так называемый статический методы. К сожалению, советское языкознание уделяет внимание только вопросам сравнительно-исторического метода, пытаясь уточнить его критерии и принципы. На страницах наших лингвистических журналов почти совсем не уделяется места для постановки проблемы научной разработки метода, который учитывал бы системные взаимосвязи фактов языка. Это является очень большим пробелом в лингвистической работе, ибо при отсутствии правильного сочетания указанных двух приемов лингвистического анализа не будет заметного качественного роста исследовательской работы как в области теоретического, так и практического языкознания. Едва ли можно сомневаться в том, что пропасть, существующая сейчас между сравнительно-историческим и статическим методами, должна быть уничтожена, ибо каждый из них в отдельности отвечает только одному из требований диалектического материализма, тогда как эти два метода в правильном соединении в единый прием исследования обеспечивают всестороннее изучение языка как особого общественного явления в процессе его развития и во взаимосвязи и взаимообусловленности его компонентов.

О Г Л А В Л Е Н И Е

<i>Предисловие</i>	3
Доцент И. И. Ч е р н ы ш е в а — Фразеологические единицы немецкого языка и проблема их перевода	4
Л. О. С о к о л о в а, кандидат педагогических наук С. П. С у в о р о в — К определению границ фразеологии	17
Н. П. Р о г о в а — Проблема фразеологического оборота как эквивалента слова (на материале немецкого языка)	27
И. П. М а т у с о в а, Е. А. У т к и н а — Методика работы над фразеологическими оборотами	40
Доцент Т. А. Д е г т е р е в а — Методы и приемы исследования словоизменения	50